

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ТРОПОЙ МУЖЕСТВА

ВЛАДИСЛАВ СТРЕЛКОВ

Военная боевая фантастика

Владислав Стрелков

Тропой мужества

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Стрелков В. В.

Тропой мужества / В. В. Стрелков — «Издательство АСТ»,
2021 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-145492-0

Трое молодых парней с их революционным изобретением, которое даст все блага современного мира, вдруг оказываются на войне. Страшной, разрушительной, но давно прошедшей. На города падают бомбы, с самолетов расстреливают беженцев, вешают, сжигают, уничтожают... и вроде ты ни при чем, и не телом на этой войне, а лишь сознанием... но боль и страдания как свои, а враг вот он, перед лазами... и его надо уничтожить. А потом вернуться и решить – исправить ошибку в своем изобретении и забыть о том кошмаре. Или вернуться на войну и попытаться помочь? Как трудно сделать выбор...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-145492-0

© Стрелков В. В., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

От автора	6
Пролог	8
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	51
Глава 6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Владислав Стрелков

Тропой мужества

© Владислав Стрелков, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

От автора

Я родился через 26 лет после Победы. И о той войне знаю только из фильмов и воспоминаний ветеранов. Еще в курсантскую пору в Минске общался с ветеранами, о войне они говорили нехотя. У нас был преподаватель-ветеран. Имел боевые награды, и мы очень его уважали. Но на просьбы рассказать о боевом пути он хмурился и отказывал. И я понял – неприятно ветеранам вспоминать войну. Им вновь приходилось переживать тот ужас и боль. Это подтверждает один факт. Все знают фильм «В бой идут одни “старики”», финальный эпизод у могил, разговор Титаренко и Макарыча. Смирнов его не играл, он жил войной в тот момент, ибо вновь переживал боль. По воспоминаниям участников съемок был всего один дубль, так как Алексей Макарович сказал, что повторить просто не сможет.

Почему я пишу о войне?

Мне надоела та ложь, что представляют нам сейчас. Ложь о повальной ненависти к согражданам сотрудников НКВД. Ложь об одной винтовке на двоих. О приказах добыть оружие в бою. Ложь о повальном вооружении немцев автоматами, ошибочно именуемыми «шмайссер», против наших бойцов с винтовкой Мосина. Ложь о «генерале Морозе», о штрафных ротах и батальонах, о том, что СССР завалил немцев телами своих солдат...

Тема войны сейчас популярна, в основном в жанре попаданцев и альтернативной истории. Очень много авторов, пишущих в этом жанре о войне. И подавляющее большинство авторов стремится донести правду о той вой не. Пусть и в фантастическом жанре.

В моей книге тоже есть доля фантастики. Но совсем немного. Чуть-чуть. Ибо главный посыл – сами люди той поры. Их мечты, устремления, их жизнь. И подвиг. Этого не отнять и невозможно не признать. Эта книга о героях и просто людях, которые сражались на фронтах, сражались в тылу. Все для фронта, все для Победы!

И у станков не спали дети,
И бабы в гиблых деревнях
Не задыхались на полях,
Ложась плечом на стылый ветер...¹

Это все было! Это нельзя забывать.

Свой путь в жизни мы выбираем сами. Какой он будет, нам не известно. Можно идти к мечте, перешагивая через других. Можно идти и помогать. Любить, сочувствовать. И помнить о тех, кто дал нам право жить.

Да, у каждого есть свои мечты. Каждый выбирает свой путь к мечтам. Выбирает свою тропу.

Я хочу пройти тропой мужества. И зову вас за собой.

* * *

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь. —*

---

¹ А. Розенбаум.

Речь не о том, но все же, все же, все же...

А. Т. Твардовский

Пролог

27 июня 1941 года

– Тебе расстаться со мною легко-о-о. Ты будешь завтра уже далеко-о-о. И что осталось от нежных сло-ов? И где же наша-а-а любовь?

– Курт! От твоего пения зубы ломит.

Дильс замолчал, рассматривая русскую винтовку – приклад расщеплен, затвор открыт и забит землей. Впрочем, оценивать повреждения не его дело. Кинув винтовку в общую кучу, он подобрал для осмотра другую, вновь затянув привязавшийся мотив:

– Тебя любил я и тебе доверя-ял. Угодно судьбе, чтоб тебя потеря-ял? Но мой отве-ет – нет, нет и не-е-ет!

– Курт, сукин ты сын! Заткнись, ради всего святого!

– Ладно, Ральф, – отозвался Дильс, – помолчу, раз ты не любишь хорошие песни.

– Я люблю хорошие песни, – возразил Шульц. – Только ты подражаешь Руди Шрике, а выходит скрип старой мельницы.

– Тогда спой что-нибудь сам.

– Аудитория моего пения не оценит, – усмехнулся Ральф, кивнув на мертвые тела. – Так что петь я не буду, и ты лучше помолчи.

Поле было изрыто, испаханно, обезображено до неузнаваемости. Еще два дня назад тут простирался ровный луг, а сейчас остались одни воронки. Едко пахло сгоревшей взрывчаткой, порохом и вонью тления. Много истерзанных, разорванных пулями, минами и снарядами тел, а погода стоит жаркая...

Русские держались два дня. Дрались ожесточенно, кидаясь в безнадежные контратаки. Гибли, но не сдавались. Пленных не было. Погибли все. Но и камрады потеряли тут до двух взводов убитыми и ранеными. После боя прошлись по разбитым окопам, добывая еще живых. Затем унесли павших товарищей. А потом наступило время трофейщиков.

Винтовки, пулеметы, боеприпасы...

Все пригодится. Все пойдет в дело, ибо ордунг. Во всем должен быть порядок.

Пока Дильс возился с винтовками, Шульц складывал в общую кучу солдатские мешки русских. Ральф знал, у русских они вместо ранца и там может быть много чего, что может пойти в дело, а главное пригодится самому. Он остановился около убитого. Русскому снесло полголовы. Лежал он на боку, а за плечами был объемистый мешок. Осторожно избавив тело от мешка, Шульц попытался его развязать, но попытка сразу не удалась – вся горловина вместе с затянутым узлом была пропитана кровью. Тогда он вынул нож и несколько раз полоснул по узлу, после чего вытряхнул содержимое. Удовлетворенно поцокал – кровь до вещей не добралась. Комплект чистого белья, полотенце, пара железных банок, очевидно тушенка, полбуханки черного хлеба, завернутой в газету, фляжка. Шульц быстро скрутил крышку, понюхал, глотнул немного, удовлетворенно осклабился. Эта фляжка уже шестая, но в тех была водка...

Ральф покосился на Дильса. Сообщить о находке или не стоит? Или...

От пришедшей мысли Шульц усмехнулся и, хитро глянув на напарника, воскликнул:

– Курт, я бимбер нашел! Чистый, как слеза младенца! Будешь?

– Спрашиваешь! – тут же отозвался тот. – Глоток-другой никогда не помешает.

– Только не много, а то Большой Ганс заметит.

Курт взял протянутую флягу и сделал хороший глоток, тут же его глаза полезли из орбит, лицо покраснело, он поперхнулся и закашлялся, а Ральф засмеялся, довольный своей шуткой.

– Свинья ты, Ральф, – еле выговорил Дильс. – Это же спирт! Воды дай...

Шульц хотел было закончить шутку, дав напарнику флягу с водкой, но передумал. Достал с водой.

– Держи, и закуси, а то окосеешь и вновь попадешься Большому Гансу.

– Тогда многие попались, но отдувался один я, – буркнул пришедший в себя Курт. Достав из ранца галеты и банку сардин, ловко вскрыл ее ножом и принялся поглощать консервированную рыбу.

– А не надо было пить столько пива.

Дильс поморщился, вспоминая тот случай. Это произошло три дня назад. Лихие гренандеры проскочили небольшое русское село, а их трофейная команда расположилась в самом центре села у дома с закрытыми ставнями и дверью. Парни сразу заинтересовались – что внутри дома? Живо сорвали замки, вошли и обнаружили склад продуктов, среди прочего нашли бочки. С пивом.

Единогласно признали – пиво дрянь, что не помешало вылакать чуть ли не половину. Потом явился Кранке...

– Эта кислятина не пиво. Мой отец варит пиво.

– Парни не жаловались.

– А попало мне.

– Ладно, – поднялся Шульц, – надо работать. Иди, вон там приклад виден.

Жуя очередную галету, Курт направился к огромной воронке, на краю которой торчал приклад русской винтовки.

– Ферфлюхте...

– Что? – обернулся Шульц.

– Тут русский. Живой.

Тело шевелилось под слоем земли. Стон, больше похожий на скрип, был еле слышен.

– Живучий народ эти русские, – сморщился Курт. – Смотри, ему почти оторвало руку и ногу, но живет. Мучается...

– Так пристрели, раз тебе его жаль, – флегматично посоветовал Шульц.

– Нет, я не жалостливый. – Скинув с плеча карабин, Курт навел его на шевелящееся тело и вдавил спуск. Бабахнувший выстрел всполошил отдыхающее отделение у рощи.

– Алярм! – Один из солдат мгновенно взлетел на бронетранспортер и, развернул пулемет, остальные рассыпались рядом с машиной.

Ральф поднял руку, показывая, что все в порядке и опасности нет. Пулеметчик что-то сказал солдатам, и к трофейщикам направился один из солдат.

– Обершутце Нойманн, – представился подошедший. – Что тут у вас, камрады?

– Пристрелил русского, – ответил Курт, кивая на тело.

– А-а-а, – кивнул солдат, и его взгляд остановился на покачивающемся Дильсе.

Шульц выругался про себя. Трофейные спирт и водку он уже спрятал, делиться с гренандерами не собирался. Но Курта, несмотря на хорошую закуску, развезло. Шутка оказалась хоть и смешной, но не очень удачной. Не дай бог узнает Большой Ганс...

Ральф решил, что лучше поделиться трофеями. Он достал одну из фляжек с водкой, добавил три банки русских консервов, сверток с салом и протянул все обершутце.

– Держи, камрад, за беспокойство.

– О, спасибо, камрады, – довольно осклабился солдат, – если что, зовите. У меня был товарищ, лучшего ты не найдешь... – начал петь Нойманн, уходя.

– Бараба-а-ан пробил бой, он шел рядом со мно-о-ой... – подхватил Курт гнусаво.

– Курт, заткнись, ради всех святых! – разозлился Шульц и услышал хохот Нойманна.

– Понимаю тебя, дружище! – крикнул тот. – Не каждый такое выдержит.

Курт тоже засмеялся, но петь перестал. Он присел около трупа и вытащил из кармана мертвого русского документы, и среди них обнаружил фотокарточку. На ней молодая и очень красивая женщина держала удивленную девчущку, а рядом, положив руку женщине на плечо, стоял строгий военный. Курт покосился на труп, хмыкнул и принялся рассматривать женщину.

– Смотри, какая красивая фройлян!

Шульц покосился на фото.

– Фрау, Курт, фрау. Эта женщина замужем, разницу чуешь?

– Без разницы. Она уже вдова.

– Русская вдова, – поправил Ральф. – А ты женат?

– Не, не сподобился.

– Почему? Хотя не говори, – Ральф усмехнулся, – и так все ясно. Наши фройлян любят статных и подтянутых мужчин.

Курт не ответил, тяжело вздыхая. Он и так знал, что форма ему не идет. Что поделывать, если природа обделила статью и внешний вид выпадает из общего принципа – немец, одетый в военную форму, выглядит так, словно в ней родился. Наоборот, внешний вид Дильса являлся объектом всевозможных шуток, которые не доходили до откровенных издевательств только благодаря фельдфебелю Кранке. Большой Ганс осаживал остряков, но сам, раздражаясь, не забывал обязательно припахать нерадивого Дильса.

– Курт.

– Что?

– Ты зачем в армию пошел?

– Как зачем? – удивился Дильс, вытаскивая винтовку из воронки. – Хочу после войны получить тут надел.

– Хотеть не вредно, – усмехнулся Ральф. – Наделы первыми получают камрады из строевых, что заслужили это право в боях.

– Земли у русских много, – возразил Курт. – Всем хватит.

Тут Дильс замер, смотря в глубину воронки.

– Что там? – спросил Шульц, подходя.

– Еще один живой Иван.

Этот русский не стонал. Просто смотрел, и в глазах его читалось презрение с лютой ненавистью.

Шульц оглянулся – свой маузер он оставил около ранца. Но рядом стоял Курт с карабином на плече.

Оружия у русского не было. Но это ничего не значит – были прецеденты. Поэтому приближаться к «Ивану» не спешили. На первый взгляд этот русский был не опасен. Вся его голова в крови, рваная рана в левой руке, перебиты ноги, из живота вывалились кишки. Удивительно, как он еще не сдох...

Вдруг русский рассмеялся. Сначала нервно, отрывисто, затем его смех стал ровней. Он смеялся, придерживая выпадающие потроха. Кровь сочилась сквозь пальцы. Но русский смеялся, и это было жутко...

– С ума сошел, – ежась, констатировал Курт.

– Пристрели и дело с концом, – пожал плечами Шульц и шагнул ближе. – У нас еще много работы.

Курт скинул с плеча карабин, но русский замолк и, сверкнув яростным взглядом, неожиданно сказал по-немецки:

– Вы мертвы!

Дильс и Шульц оторопели.

– Вы уже мертвы! – повторил русский. – Сдохнете. Пусть не сейчас, но все равно сдохнете. Не будет никакого земельного надела на Священной Русской земле! Будет лишь березовый крест или вообще ничего. Один лишь прах. Да, от вас останется только прах! – голос русского зазвенел. – А мы придем на вашу землю. Все придем. Ваш бесноватый фюрер застрелится, когда наша армия будет штурмовать рейхстаг. Восьмого мая Германия капитулирует. А девятого мая будет Победа! Это будет! Будет!

И русский вновь захохотал.

Шульц тупо смотрел на русского, с трудом переваривая его слова. Дильс мгновенно протрезвел. Он скинул с плеча карабин, собираясь пристрелить этого «Ивана», но в этот момент что-то глухо хлопнуло, русский отвел руку от живота, и Курт увидел гранату.

– Гранатен! – крикнул Шульц, отскакивая, но не успел. Вспышка разрыва совпала с выстрелом. Это все, что успел сделать Дильс.

Глава 1

Наши дни

– Семьдесят два... семьдесят три...

Весь народ в фитнес-центре сегодня собрался в одном месте. Случайный спор вылился в соревнование – кто больше подтянется. И ставка – десять бутылок элитной водки. Но не это главное. Главное принцип – самые лучшие это... вот тут сошлись два мнения – кто круче – морпехи или десантура? Спор мгновенно накалился. «Морпех» как решение предложил спарринг, «десантник» согласился. Некоторые присутствующие поддержали, желая увидеть настоящий бой двух сильных бойцов, но большая часть были против. А спорщикам уже было плевать на мнения присутствующих, ибо задета честь. Однако к ним подошли их друзья и мягко перенаправили на турники.

– Семьдесят четыре... семьдесят пять...

Присутствующие разделились на две стороны. Каждый болел за своего. Азарт захватил весь зал. Делали ставки, подбадривали криками и хором считали:

– Семьдесят шесть... семьдесят семь...

Два крепких парня. Мускулистые, статные красавцы. Обоих украшали шрамы. У «морпеха» рубец шел наискось груди, у «десантника» на предплечье след ожога, который немного портил татуировку.

Подтягивались одновременно, на общий счет. И это было правильно. Бугрились накачанные мышцы, притягивая взоры восхищенных дам. Рельефно выделялся пресс, вгоняя в меланхолию мужиков с пивным животиком.

Лишь один парень смотрел на действие спокойно. Он сидел на тренажере, иногда прикладываясь к бутылке с водой. На турнике его друг. С детства вместе. Детсад, школа, и в армию тоже вместе, но служить выпало в разных войсках. Друг попал в десант, а куда еще направить призывника Маргелова Василия Дмитриевича? А он, Жуков Сергей Евгеньевич, попал в разведку. Что говорить, армия – хорошая школа, и Сергей нисколько не пожалел. Отец мог «отмазать» его от службы, но сын был против. Против мнения родителей. Учеба подождет, а армия... дед рассказывал, как они бегали смотреть на проходящие маршем батальоны и неуклюже маршировали следом, как один раз их сняли с поезда, когда с друзьями собрались бежать на фронт. Прадед Сергея погиб в самом начале войны. И Жуков считал, что он должен, просто должен стать настоящим мужиком. И нисколько не пожалел.

– Восемьдесят! – заревели в зале, встречая очередной десяток. – Восемьдесят один...

Жуков заметил, что «морпех» начинает сдавать. Нет, он еще крепился, подтягиваясь одновременно с Васькой, но уже делает это с явным трудом, а Маргелову это «семечки». У него как-то появился бзик – поставить рекорд по подтягиванию, и он начал интенсивно заниматься в этом направлении, но начавшаяся учеба в институте заставила сократить тренировки. Однако подтянуться он мог уже две сотни раз.

Сергей взглянул на часы, висящие на противоположной стене, и поморщился.

Четвертый час, опаздываем. Паша будет в ярости, подумал Жуков. Ничего, «безумный профессор» со своим изобретением подождет. Хотя это не изобретение, а скорее удешевление, что может в результате принести им хорошие деньги. Если, конечно, фирмы, выпускающие один медицинский аппарат, заинтересуются новой технологией.

Паша... генератор идей. Еще в школе выдавал на-гора всякие изобретения. Большинство идей были откровенно безумными, что определило и кличку – «Нимнул», или «Безумный профессор». Паша не обижался. Вообще он был спокойным и уравновешенным парнем. Природа наделила его живым умом, но наказала неважным здоровьем. Вся учеба в школе – это сплошные болезни, но помощь родителей и собственное трудолюбие выводили его в ряды луч-

ших учеников. Школу Свешников Павел Анатольевич закончил с золотой медалью. В институт Паша поступил, не особо напрягаясь, несмотря на дикую конкуренцию. И пока Сергей с Васькой служили, успел закончить три курса. Свешников устроился в институт лаборантом, что дало ему возможность воплощать в макетах некоторые свои идеи.

Задумавшись, Сергей отвлекся от главного действия в фитнес-центре. «Морпех» уже с трудом подтягивал себя к перекладине, а Маргелов невозмутимо зафиксировал верхнее положение и взглянул на друга. Жуков тут же постучал по левому запястью, напоминая, что они уже опаздывают. Вася кивнул, посмотрел на «морпеха», быстро сделал выход вверх, разогнулся, поднимая тело вертикально, после чего крутанув «солнышко», изящно спрыгнул.

Зал взревел.

«Морпех» повисел на перекладине и тоже спрыгнул. По условиям спора прекращать упражнение можно, только если оппонент не может продолжать подтягивание. Но Маргелов прекратил первым, несмотря на явное превосходство. Во-первых – время, во-вторых... во-вторых «морпех» парень нормальный, и показывать свою удаль меж родами войск не дело. Неодобряемый выпендрож, поэтому Вася решил радикально. Он шагнул к «морпеху» и протянул руку.

– Предлагаю ничью.

– Согласен, – выдохнул тот. – Но водка с меня.

– Согласен.

– Молодец, Вася, – хлопнул по плечу подошедший Жуков. – Хорошо придумал, и никто не в обиде.

– Какие обиды, мужики, – улыбнулся «морпех» и протянул руку. – Меня Юрой зовут.

– Сергей.

– Василий, – кивнул Маргелов. – Посидим за рюмкой чая?

– Не, ребят, – отказался Юрий, – не в обиду. Я за рулем и ехать сегодня далече... поисковик я. Мы погибших на той войне ищем.

– Это дело хорошее, – согласился Сергей и потянул друга в раздевалку.

Открыв шкафчик, Жуков первым делом схватил мобилу.

– Ого, двадцать одна эсэмэска! – Сергей поколдовал над экраном. – Одна от отца, три от мамы и семнадцать от Паши.

– Что пишет наш технический гений?

– Пишет он... – Жуков начал открывать смс подряд. – «Вы где?», «Может, подъедете пораньше?», «Не забывайте – в четыре». И, так далее, но уже злобно и с неформатными терминами. Последняя – «Я начинаю без вас!».

– А неформатными это как? – спросил Маргелов, направляясь в душ.

– Поверь, Вася, ты так технологично выразиться не сумеешь!

На выходе из фитнес-центра их перехватили девушки.

– Привет, мальчики!

– Привет!

Одна девушка подхватила Жукова под руку, а ее подруга чуть ли не повисла на Маргелове.

– Вася, ты сегодня был неподражаем!

Маргелов приобнял девушку и вкрадчиво сообщил:

– А я еще и вышивать могу, и на машинке тоже...

Девушки прыснули, а Сергей чуть улыбнулся, отлично зная армейский сленг. Знали бы, что значит шить и на машинке работать...

– Вы сейчас куда?

– По делам, Оленька, по делам.

– Очень срочным? – надула губки та.

– Срочным, – подтвердил Сергей. – Давайте завтра вечером погуляем. В баре посидим...
– Ловим на слове! – воскликнули девушки, чмокнули парней и ушли.

Подойдя к машине, Сергей нажал на кнопку сигнализации, и БМВ приветливо моргнула габаритами. Парни закинули сумки на заднее сиденье и только собрались сесть в машину, как их окликнули:

– Эй, мужики!

Друзья обернулись. К ним быстро шел Юра-морпех и нес коробку.

– Вот, – подойдя, сказал он, – водка. Десять бутылок.

– Юр... – начал было Маргелов, но его перебили:

– Не, мужики, берите, не обижайте. Я все понимаю – повел себя, как пацан неразумный.

Выпендрейщик с дешевыми понтами.

– И я тоже хорош, – согласился Маргелов.

– Но поступил по-мужицки! Так что держи, – и Юра вручил коробку Маргелову. – И еще, мужики, вот мой телефон. Звоните, если что, помогу.

Забрав карточку с номером телефона и попрощавшись, друзья поехали к институту.

* * *

Паша смотрел в монитор, раз за разом проверяя и тестируя программу управления аппаратом. А чем еще заняться? Эти два оболтуса, эти разгильдяи, эти... словарный запас давно закончился. Ведь договаривались! Два часа коту под хвост! Чем себя занять? Опять, что ли, проверить соединения и протестировать работу программ? Раз в пятнадцатый?! Да ну... к черту! Закрыв окно программы, Свешников посмотрел на часы и выругался.

А чего я жду? – подумал Паша. Обойдусь без них. Приедут, а я в одиночку полностью проверил полную работу аппарата и все результаты получил.

Решено! Свешников вновь запустил программу, затем включил питание блока управления, проверил параметры, удовлетворенно хмыкнул, нажал пуск и быстро лег на кушетку аппарата.

Над ним часто замигал светодиод и... сознание погасло.

Какое-то время вокруг была абсолютная темнота. Затем начали мерцать огоньки, становясь ярче и ярче. Потом огни начали закручиваться в спираль, постепенно ускоряясь. Стало светло до рези в глазах. Внезапно весь свет свернулся в одну точку, пропал, и все тело наполнилось болью.

Невозможной.

Невыносимой.

Левую руку дергало так, что отдавало красными вспышками в глазах. Боль в ногах настолько отупела, что их и не чувствовалось вообще, а в животе словно костер пылал.

Во рту солоно и сухо, а еще глаза режет, будто песка насыпали. Что-то и вправду ощущалось на лице. Удалось шевельнуть правой рукой. С большим трудом поднял ее и смахнул с лица землю. Потер глаза и, мелко моргая, осмотрелся.

Паша лежал в какой-то яме. Больше ничего не видно. Посмотрел на тело...

Все, что ниже груди – кровавое месиво.

– А-а-а! – крик... даже не крик, еле слышный сип длился пару секунд, затем внутри скрутило болью, и Паша затих, впал в ступор от вида собственных потрохов.

– Этого не может быть... – прошептал он, – этого не может быть...

Где я? Как тут оказался? Что произошло? Что тут происходит?

«Война тут». – Ответ поставил Пашу в тупик. Это не было сказано. Это была мысль. Не его мысль. Чужая. Именно чужая. Не веря в происходящее, Свешников огляделся, в яме он один.

Крыша поехала, подумал Павел, никак я в настройках аппарата накосячил...

«Какой аппарат? Какая крыша? – появилась злая мысль. – Ты вообще кто такой?»

– Я? – удивился Свешников.

«Ты, не я же!»

– Я Паша, то есть Павел Анатольевич Свешников, – сказал мысленно Свешников. – Студент третьего курса... стоп, а вы кто?

«Лейтенант Иван Федорович Григорин, сто пятьдесят пятая стрелковая дивизия».

– С ума сойти!

Это сон? Кошмар? Ущипнуть себя, но толку... больно и так...

Сквозь звоны и шум в голове пробивались отдельные слова. Кто-то недалеко разговаривал по-немецки. По-немецки?

«Да, там немцы. Я уже говорил – война тут. Немецкая провокация, но ничего, скоро наши подойдут и...»

– Не подойдут. Не будет наших! – решительно сказал Свешников. Он поверил в реальность происходящего. Просто быть больше нечему. И не сон это. Не бывает так больно во сне.

«Как это не подойдут?» – возмутился Григорин.

– А вот так, – ответил Паша. – Немцы уже Минск окружают...

«Врешь, падла!» – И чужая злость заполнила весь мозг, подавляя волю. На краткий миг два сознания слились воедино. Свешников даже боль перестал чувствовать. Потом сознание лейтенанта затихло.

«Правда... это правда. – Лейтенант был потрясен. – Я видел... читал... я не знаю, как это назвать. Твоя память... я видел».

– Да, я не врал. Эту войну назвали Великой Отечественной...

Неожиданно раздался выстрел. Свешников насторожился.

– Что там? – осторожно спросил Паша.

«Немцы кого-то из раненых застрелили». – И правая рука начала шарить вокруг.

– Ты чего?

«У меня в подсумке граната была, – ответил Иван. – Эф-один, у бойца отобрал, но воспользоваться не успел, взрывом накрыло. Очнулся тут... с тобой в голове... ага, вот».

С трудом вытащив из сбившегося за спину подсумка гранату, лейтенант свел усики, затем выдернул кольцо, зажав его зубами. Гранату он спрятал в собственных кишках.

«Так не сразу увидят».

– Так ты подорвать себя хочешь? – испугался Паша.

«Не дрейфь, студент. Все едино помирать. Не жилец я. Так с собой хоть одного гада да утащу...»

Павел не ответил. Немцы приближались, постоянно переговариваясь.

– Интересно, о чем они говорят?

«О женщинах вроде. Да, что-то про своих баб».

– Ты знаешь немецкий?

«Я немец. Моя фамилия Григорин, но у моего деда она была Грегори. Поменяли во время Первой мировой... Вот твари! Про нашу землю заговорили...»

Павел прислушался и удивился, он тоже понимает!

– ...хочу после войны получить тут надел, – голос пьяно растягивал слова.

– Хотеть не вредно, – ответил другой. – Наделы первыми получают камрады из строевых, что заслужили это право в боях.

– Земли у русских много, – возразил первый. – Всем хватит.

В этот момент на краю воронки появилась маленькая щуплая фигура в обвислом сером мундире.

– О! – воскликнул щуплый немец. – Еще один живой «Иван».

«Он меня знает? – растерянно удивился Григорин.

«Нет, – подумал Паша, – немцы всех русских называют Иванами... ой, извини».

Следом появился еще один немец. Упитанный. Он с любопытством заглянул в воронку.

Неожиданно Ивану стало смешно – русский Иван! Он и рассмеялся. Сначала отрывисто, боль вспухала с каждым выдохом, затем ниже груди все онемело и смех стал ровней. Иван смеялся, придерживая выпадающие потроха. Кровь сочилась сквозь пальцы, и он со всех сил сжимал гранату. Не время пока, пусть ближе подойдут...

– С ума сошел, – ежась, сказал щуплый.

– Пристрели и дело с концом, – буркнул толстяк и шагнул ближе. – У нас еще много работы.

Щуплый скинул с плеча карабин.

Убьют! – испугался Свешников. Он забыл про спрятанную гранату, про Ивана и про то, что он вообще в чужом теле, которое почти умерло...

– Вы мертвы! – прохрипел он первое, что пришло в голову.

Немцы оторопели.

– Вы уже мертвы! – продолжил Паша. – Сдохнете. Пусть не сейчас, но все равно сдохнете. Не будет никакого земельного надела на Священной Русской земле! Будет лишь березовый крест или вообще ничего. Один лишь прах. Да, от вас останется только прах! – Паша замолчал, вдруг почувствовав приближение смерти, и впал в ступор, но Иван, не сделав паузы, из последних сил закричал, торжествуя:

– А мы придем на вашу землю! Все придем! Ваш бесноватый фюрер застрелится, когда наша армия будет штурмовать рейхстаг. Восьмого мая Германия капитулирует. А девятого мая будет Победа! Это будет! Будет!

Силы быстро таяли, Иван разогнул пальцы, скоба слетела и хлопнул капсюль. Слабеющей рукой он толкнул гранату в сторону врагов. Немцы что-то заорали, но лейтенант уже ничего не слышал. Пульсирующая боль уходила, увлакивая сознание за собой, куда-то вверх...

«Студент... Паша, ты если назад вернешься, так помни...»

Взрыв...

* * *

– Позвони еще раз.

– Толку... – ответил Маргелов, но телефон достал.

После непродолжительного прослушивания мелодии ожидания Вася констатировал:

– Или мобила на бесшумке, или Паша спит.

– Сомневаюсь, – усмехнулся Сергей.

– В чем?

– Чтобы профессор спал, когда единственная его идея так близка к завершению.

– А я не помню случая, чтобы он выпускал мобилу из рук, – пробормотал Маргелов и потер подбородок. – Ладно, пошли к центральному входу.

Попытка пройти через эвакуационный выход провалилась, а на главном могут и сумку осмотреть. Водку взяли, чтобы отметить первый запуск аппарата, а если все пройдет, как задумано, то удачу. А в том, что у них все получится, Маргелов был уверен на все сто.

У входа к ним подошел охранник.

– Здравствуйте, что у вас в сумке?

– Спортивная форма и мыльно-рыльное.

– Покажите, пожалуйста.

Маргелов предъявил сумку и многозначительно посмотрел на Жукова. Охранник досматривал тщательно.

– Сергей?!

Жуков повернулся. К ним подходил декан.

– Сергей, здравствуй. Почему ты не в лаборатории?

– Пробки, дядь Вить, будь они неладны. Но мы все успеем. Если надо, посидим допоздна.

– Ладно, я в понедельник к вам зайду. Но если все пройдет, как запланировали, то звони сразу.

– Хорошо, дядь Вить.

– Свешникову передай, что на завтра я его отпустил. – И декан направился на выход.

Охранник, пока они разговаривали, отошел в сторону. Маргелов подхватил сумку, и друзья пошли к лестнице.

– Фух, пронесло, – выдохнул Вася. – Я ж говорил, сумку хорошо досмотрят. И как только бутылки не съехали. Вот хохма бы была.

– Ты главное пресс не напрягай, – усмехнулся Сергей, – а то ремень лопнет.

– Кстати, – оживился Вася, – а дядя к проекту каким боком?

– Не боком, а паровозом. Думаешь, кто-то даст простым студентам тащить перспективный проект? Вот получим положительные результаты, и дядя возглавит нашу группу. Соответственно придется выделить процент. Солидный. И вообще, без его помощи не обошлось бы, и лабораторию он выделил, и нужные детали помог найти...

– Да-а-а, – протянул Маргелов, – селяви, без паровоза никак.

– Погоди, когда это будет...

– Скоро, Серега. Может, сегодня. Вот чую, у нас все получится!

– Погоди, как мы в лабораторию попадем, если Паша не отвечает? Вдруг он вышел, а мобилу оставил...

Вопреки ожиданиям, дверь лаборатории оказалась не закрыта на замок, что уже было странно. В институте ходили всякие слухи, но чем именно занимаются тут трое друзей, знал только декан. Для всех остальных тут проводили опыты по особому заданию деканата. И двери всегда были заперты, а тут... пройдя маленький тамбур, друзья удивились еще больше.

В помещении почему-то царил сумрак и хаос. На всех столах в беспорядке лежали платы, картриджи, пучки проводов, катушки кабелей, разные датчики, радиодетали россыпью...

Ладно хаос, в создании оного принимали участие все, но зачем Паша закрыл окна и еще жалюзи опустил? Чтоб с улицы не подглядели? А почему аппарат в работе?

На мониторе рабочая программа, рядом блок светодиодами мерцает, а за ними кушетка с монтажной рамой, на которой разместились несколько рядов датчиков. А среди них взъерошенная голова «Нимнула». Свешников лежал на кушетке, приспособленной под неподвижный стол пациента.

– Оп-па! – воскликнул Жуков. – Да он без нас начал. Паша! Эй, профессор!

Но Свешников не ответил, даже не пошевелился, лишь громко сопел.

– Спит, – констатировал Маргелов. – А ты говорил – идея-идея! Серег, ты дверь запер?

– Ага.

Вася вынул две бутылки и поставил их рядом с монитором.

– Что будем делать?

Но ответить Жуков не успел, Свешников вдруг дернулся, захрипел, выгнулся дугой, свалился с кушетки и забился словно в припадке.

Друзья лишь мгновение стояли в ступоре. Маргелов плюхнулся рядом, схватил голову Паши и положил ее на свои колени.

– Окно открой!

– Эпилепсия? – раскрывая фрамуги, спросил Сергей.

– С чего бы, хотя... не знаю. У Паши такой букет болезней...

Свешников перестал вздрагивать, замычал и начал шарить руками по животу, затем открыл глаза и выдавил:

– Я... он... где я?

– В лаборатории. Что случилось, Паш? Сон плохой приснился?

Тот, тяжело дыша, ответил не сразу, но друзья не ожидали такого:

– Мужики, меня только что убили.

Жуков и Маргелов переглянулись.

– Ну, это бывает, – наконец произнес Вася. – Кошмары и мне снятся иногда. Скажи, Серег...

– Ага, такое приснится, Хичкок отдыхает!

– Нет, ребят, это был не сон. Я не знаю, как, но мое сознание вдруг оказалось в чужом теле и... – Паша немного задумался, – и там была война. Тот парень, в кого я попал, был тяжело ранен. В живот. Он... он...

Глаза у Свешникова расширились.

– Он гранатой себя подорвал! – выпалил Паша. – Там немцы, ребята. Там... там...

Сергей и Вася опять переглянулись. Рука у Жукова потянулась было к голове, чтобы виска покрутить, но он передумал и так все понятно – профессор перетрудился. Неделю от аппарата не отходил.

– И что немцы?

– Убиты, наверное...

– Конечно, убиты! – тут же согласился Сергей. – Лет так семьдесят пять назад. Отдохнуть тебе надо, Паша. Отдохнуть.

– Но...

– Никаких «но»! – Маргелов поднял Свешникова и с помощью Жукова усадил Павла в кресло. – Ты посиди, а мы поработаем.

– Вы мне не верите... – поник Павел.

– А ты думал! Приснилось это тебе от переутомления и прочих нагрузок.

Жуков сел за монитор и начал кликать по настройкам.

– Так, где тут... Паша, ты сохранение снимков не включил!

– Как не включил?! – возмутился Свешников. – Я пятьсот раз, наверно, проверил.

– Проверил он, – проворчал Сергей. – Папка-то пустая.

– Ладно, Серег, запускай программу, – и Маргелов улегся на кушетку.

– Опыт номер два! – сообщил Жуков. – Сохранение снимков включено. Обследуется Василий Маргелов!

– Поехали! – гаркнул Вася и... потерял сознание.

* * *

– Вперед помалу! – голос командира прозвучал в ТПУ чисто, без привычного треска.

Где-то впереди грохотало, и звук канонады быстро приближался. Т-26 вползал в пролесок, подминая молодые березки.

– Танки, – спокойно сказал лейтенант. – Бронебойный!

Немцы открыли огонь по появившимся советским танкам. Сквозь молодую поросль видно, как вспухают черные кусты разрывов. Вырвавшийся вперед Т-26 окутался дымом и замер.

– Авдеева подбили, – сквозь зубы процедил командир, но экипаж услышал. На удивление, ТПУ сегодня работал без хрипа.

– Бронебойный! – и тут же: – Короткая!

Танк остановился и через пару секунд выстрелил. Николай приник к смотровому прибору, но ничего рассмотреть не смог – дым стелился по земле плотно. И как только командир смог там что-то увидеть?

– Вперед! – крикнул лейтенант, убирая ногу со шлема. – Сеня, правее «тройка», готовься.

– Понял, командир, – отозвался Шишко.

– Сержант, у подбитого встань, корпусом закроюсь!

– Есть! – отозвался Николай и направил Т-26 к чадающей коробке.

«Эх, Сашка, Сашка – подумал сержант, – сгорел. И Самсонов, и Бутов. Весь экипаж в одном пламени...»

Русов притер танк к тому, что осталось от Т-26. Невыносимо потянуло гарью. Но надо терпеть.

– Еще чуть вперед на пару метров и стоп!

Танк высунулся из-за корпуса и замер.

Выстрел! Немецкий танк развернуло. Тройка проползла еще пару метров и встала.

– Так, гусеницу сбили, теперь в борт!

Выстрел!

– Отлично! Горит, сволочь!

Бум! Рикошет ошеломил. Снаряд ударил в самый край скоса, но без особых последствий. Лишь звон в ушах.

Бух! Разрыв встал почти рядом, даже танк качнуло, и осколки пробарабанили по броне, с визгом уходя в рикошет.

– Черт, Русов, сдай назад. Ага! Обойти хотят... броневойный!

Выстрел!

– Вот и стой там! – порадовался попаданию командир. – Но тут жарковато становится. Сержант, впереди ложбина начинается, скроемся в ней. Как скомандую, так жми.

Выстрел!

– Пошел! – закричал лейтенант. – Жми, Коля!

Николай дал ход и сразу направил танк влево, и в тот же момент справа по башне что-то звонко ударило, отчего заложило уши.

– Рикошет! – оскалился лейтенант. – Еще левей!

Русов повернул. На миг в смотровой щели мелькнула часть поля и три силуэта немецких танков.

– Влево! Вправо! – звучали команды и вдруг: – Короткая!

Выстрел!

– Вперед! Броневойный!

Т-26 спустился в низину.

– Стой! Чуть назад, сержант! Башню высунем...

Русов сдал назад.

– Стоп! Отлично! Щас дадим сволочам прикурить. Тут нас не достать!

Но немцы начали обстрел. Разрывы вставали со всех сторон. На танк сыпалась поднятая взрывами земля, часто стучали осколки. Команды на движение не поступило, однако Русов был готов моментально увести танк дальше в ложбину. Николай видел только ее край и голубое небо сквозь многочисленные дымы. Что творится на поле, видят только командир и наводчик-заряжающий.

Выстрел! Выстрел! Выстрел!

Лейтенант с наводчиком азартно комментировали каждое попадание, и Николай радовался словно ребенок.

Выстрел! Выстрел! Выстрел!

От пороховых газов стало не продохнуть. В горле запершило, глаза заслезились.

– Похоже, все! – вдруг сказал лейтенант. – Мы одни, ребята.

– Как одни? – не понял Русов.

– Всех наших пожгли, – глухо ответил командир.

– Но и мы хорошо дали немецкой сволочи! – процедил Шишко. – Пятерых точно списали!

– И еще дадим! – сказал лейтенант. – Так, надо до леса успеть. Давай прямо, Коля! Через двадцать метров выскочишь на поле, и сразу короткая.

Танк взревел мотором, развернулся и начал медленно двигаться по ложбине. Через десяток метров начался подъем.

– Так... так... стоп! – и на шлем механика встала нога лейтенанта.

Т-26 замер. Выстрел!

– Полный газ! К лесу жми!

Русов повел танк к березовой роще. Вдруг командир поставил ногу на шлем сержанта. Т-26 послушно замер. Звонко ударила пушка. Нога исчезла.

– Вперед!

Мотор заревел, танк поехал и...

Бух! Рядом разорвался фугас, отчего танк сильно качнуло. Николай инстинктивно дал ногу, отворачивая...

Бу-уммм! Корпус загудел, словно Царь-колокол, и брызнуло окалиной. И тут Русову показалось, будто его сознание взорвалось. Быстро раздавшись в стороны, оно вылезло за корпус танка, поднялось над ним, затем резко сократилось до малых размеров, словно съежилось в точку. Вместе с этим пришел испуг, удивление и непонимание. И еще стало очень тесно, будто на место механика-водителя втиснулось сразу двое. По лицу бежало что-то теплое и липкое. Сержант провел рукой – кровь. Послышались стоны. Похоже, досталось всем. Николай хотел повернуться, но тут в сознании вспыхнула мысль: где это я? Русов изумился: как это где? И сразу ответил: «В танке!»

«В танке?»

Николай ошалело посмотрел перед собой, удивляясь сам себе. Затем глянул в смотровую щель. Рядом с танком чадила подбитая ими немецкая «тройка».

«Немецкая?» – удивился кто-то рядом или не рядом... в голове. В его голове! Кто-то мыслил с ним одновременно!

Контузило, решил Николай. К лесу уже не успеть. Надо сдать назад, съехать в ложбину, а то сожгут.

«Кто?!»

– Пихто! – разозлился чужой мысли Русов, включая передачу. – Немцы сожгут!

– Сержант... Коля... – слышался хрип командира, – нас крестят уже... жми...

Т-26 взревел, но, не проехав и нескольких метров, дернулся от удара слева. Танк замер.

– Командир, гуслию сбили! – крикнул Николай.

Дз-бум! Корпус вздрогнул от попадания. Остро запахло бензином.

– Сгорим! – рука потянулась к люку. Инстинкт бросил тело к спасению – наружу, из танка...

«Сгорим?! Опять!» – чужая мысль почему-то не удивила, только наподдала прыти.

Дз-бум! Еще одно попадание – и Т-26 вспыхнул.

Огненный вихрь мгновенно заполнил корпус. Тело, уже наполовину вытиснувшееся из люка, содрогнулось от дикой боли. С криком коротким и беззвучным...

И за мгновение до смерти сознание Николая слилось с чужим. Все мысли, вся память, и своя, и чужая, пролетела в доли секунды. Из всего сержант успел выделить главное – Победа, хоть и далекая, трудная, выстраданная, но она будет!

И Русов улыбнулся...

* * *

Тихо шумел системник. Нагрузка не ахти какая, «железо» для компьютера брали самое-самое, с огромным запасом, но в режиме работы кулера все равно крутились на максималке.

Сергей сидел за монитором, следя за работой программы. В отдельном окне фиксировались снимки, и это радовало – значит, все идет, как задумывалось, и им светит слава и большие деньги.

Деньги... лишними они не бывают. Они дают свободу и власть. К власти, конечно, мы не стремимся... пока, а там посмотрим, но теперь не придется просить деньги у отца. Теперь можно открыть свое дело, или бизнес, как говорят американцы. Пусть придется поделиться с дядей, который хочет возглавить их группу, но протолкнуть проект будет легче, да и отца можно подключить. Он от такого не откажется. Тут миллионы светят, даже миллиарды, и не в рублях.

Новая и упрощенная конструкция, иной метод работы их аппарата может вывести на мировой уровень. Ведь сколько стоят томографы? Сотни тысяч в евро, причем – б/у. Новые так вообще имеют дикую цену, а их буквально на коленке собранный аппарат обошелся всего в шестьдесят тысяч рублей, считая цену компьютера, на который затратили большую часть имевшихся денег.

А Паша все-таки молодец! Это его идея. Полностью – от и до. Реализацию, или воплощение в рабочий макет, поделили на троих. Сергей практически все финансировал и занимался сборкой и наладкой. Маргелов тоже вложил немного денег и коммутировал датчики с управляющим блоком. Сергей вместе с Пашей писали управляющую программу.

Работали с полной отдачей. И вот результат.

– Работает аппарат! – порадовался Жуков. – Снимки на загляденье! Надо потом спецам показать, как читаться будут.

– Угу, – буркнул Свешников.

Сергей удивленно покосился на Пашу. Тот сидел в кресле и что-то сосредоточенно записывал. Что-то нет радости в успехе у Профессора, даже странно. Только Жуков собрался спросить, чем тот занимается, как раздался крик:

– А-а-а!

Маргелов стартовал с кушетки словно ракета. Как-то неестественно выгнувшись, он пролетел пару метров, рухнул на пол и начал кататься, вопить и обхлопывать себя руками.

К Васе кинулись оба. Столкнувшись лбами, Сергей и Павел рухнули рядом и затрясли головами. Первым опомнился Жуков.

– Васька! Васька! – Сергей прижал друга к полу, пару раз похлопал по щекам. – Что с тобой?

Маргелов заморгал, непонимающе осмотрелся и прохрипел:

– Я опять горел...

– Как это? – не понял Жуков. – Где?

– Где-где – в танке! Сожгли нас...

– Кто? – оторопел Сергей.

– Пихто! – выдохнул Вася. – Немцы, Серег, НЕМЦЫ!

Жуков вопросительно посмотрел на Свешникова.

– Наверно, тоже привиделось? – пожал плечами тот.

– Привиделось... – эхом повторил Маргелов.

Он отстранил Жукова, поднялся, подошел к столу, взял бутылку, резко сорвал пробку, выкинул из кружки пакетик чая и набулькал в нее водки.

– Я не уверен, что привиделось... – проронил Вася и выпил водку в пару больших глотков.

– Это так все было... реалистично. И боль настоящая. Бой... я танком управлял. Тэ двадцать шестой, выпуск тридцать девятого. – Вася немного помолчал. – Странно это все... странно...

– А где бой был? – спросил вдруг Свешников.

Маргелов чуть подумал, затем удивленно произнес:

– Недалеко от Брод рядом с речкой Радоставкой.

– Радоставкой, – повторил Паша, – а дата... число какое было?

– Число? – задумался Вася. – Двадцать седьмое июня сорок первого...

Свешников подошел к креслу, забрал листок, на котором он написал несколько строчек, и протянул другу. Маргелов прочитал, посмотрел на Пашу, потом взял карандаш и, присев за стол, тоже начал что-то записывать. Закончив, протянул лист друзьям.

Сергей с удивлением прочитал:

– Иван Федорович Григорин, 1916 года рождения. Место рождения Саратовская губерния. 155-я стрелковая дивизия. Командир взвода, лейтенант. Погиб 27 июня 1941 года. Русов Николай Иванович. Родился в Нижнем Новгороде 3 февраля 1911 года. Танкист, сержант. 15-й мехкорпус. Погиб 27 июня 1941 года.

– Что это? – спросил Жуков, показывая на лист. – Откуда это вы взяли? У вас что, у обоих крыша съехала?

– Можешь не верить... – начал Маргелов.

– Сам попробуй, – перебил его Паша.

– Вот именно! – согласился Вася. – Ложись, и сделаем третий запуск. Для чистоты эксперимента, так сказать.

– Базара нет, – пожал плечами Сергей, направился к кушетке и лег. – Запускай, посмотрим, что там за сны снятся!

Свешников сел за стол, перезапустил программу и кликнул по кнопке «Работа».

– Опыт номер три! – объявил Павел. – Обследуется Сергей Жуков!

Жуков не ответил. Он потерял сознание.

Глава 2

– За все надо платить! – пробормотал Якушев. Прицелился и вдавил спуск – немец вскинул нелепо руки и, выронив карабин, рухнул.

– Вот вам, сволочи!

Открыть затвор, дослать патрон, вновь прицелиться. Зоркий глаз таежного охотника выхватил немца, высунувшегося из-за кочки. Выстрел – врага отбросило. Пуля трехлинейки легко пробилась каску. Нет вам укрытия на советской земле, кроме могилы! Перезарядился и вновь выстрел – убитый враг покатился по откосу.

Удача любит дерзких. Так говорил дядя Панкрат, старый казак, воевавший еще с японцами. «Дерзкие и смелые, – говорил он, – живут ярко, но не долго».

Вот и им недолго осталось. Дожмут их немцы. Тоже плата за дерзость...

Их взвод внезапно сняли с уже оборудованных позиций, дополнили бойцами из других подразделений, затем всю эту сборную солянку выдвинули севернее, в какую-то глушь. Как оказалось, там параллельно шоссе проходила грунтовка через маленькую деревушку.

Деревенька небольшая, на два с половиной десятка дворов. Стоит на холме, который по западной стороне подковой огибает мелкая речушка с топкими берегами и вливается в обширный пруд. Сама грунтовка выныривает из леса с запада в четырехстах метрах от реки, проходит по пологому склону к реке, затем по деревянному, но крепкому мосту, потом идет подъем на холм, через деревню, опять пологий спуск и, пересекая пополам поле, теряется в западном лесу.

По заверению местных жителей, речка для техники непроходима на многие версты.

Идеальное место для засады. Если бы не «но» – против танков ничего нет. Лишь немного взрывчатки, которой сразу заминировали мост, из прочего имелся один ДШК и три «дегтярева», правда, патронов и гранат не пожалели.

– Ну что ж, дерзнем! – сказал капитан Любавин, быстро осматривая окрестности.

Затем он определил, где оборудовать пулеметные точки и как проложить линию окопов, после чего сводная рота начала вгрызаться в землю. Местным жителям настойчиво посоветовали побыстрее уйти, так как тут будет бой. Те повозмутились и начали быстро собираться. Через сорок минут вереница телег потянулась на восток.

Немцы появились как-то неожиданно. Вдруг послышалось тарыхтение и по дороге из леса на большой скорости выкатились два мотоцикла. Бойцы, что оборудовали позиции на окраине деревни, успели нырнуть в крапивные заросли, а пулеметные расчеты спрыгнуть в окопы. Капитан Любавин злобно зашипел на нерасторопных, разгоняя по местам личный состав сводной роты. Через десяток секунд единственная и короткая деревенская улица опустела.

Тем временем вражеский дозор на полном ходу пронесся по прямому участку дороги, пересек мосток, миновал подъем перед деревней и остановился на околице.

Немцы внимательно осмотрели крайние дома, перебросились парой фраз, затем один из мотоциклов поехал вдоль улицы, а второй остался. Один из мотоциклистов снял запыленные очки, взял наизготовку автомат и направился вдоль ограды. Пулеметчик остался прикрывать.

Всех взяли тихо, без стрельбы. В ножи.

Немец заглянул во двор, успел сделать только один шаг внутрь, как его тихо и незаметно скрутили. Из-за плетня на мгновение появился Степан и метнул нож. Пулеметчик дернулся пару раз и затих.

Тем временем второй мотоцикл уже докатился до конца улицы. Там немцы осмотрели поле за деревней, что-то друг другу сказали, и водитель, развернув мотоцикл, направился назад. В этот момент из-за ограды мелькнула длинная слега, которая оглушила пулеметчика.

В одно мгновение рядом оказались несколько бойцов, которые сдернули немцев с мотоцикла, словно репку из грядки...

Капитан Любавин осмотрел трофейные МГ и остался доволен. Лишними не будут. Единственного живого пленного быстро допросили. Результатов допроса Якушев не знал, только видел нахмуренные лица комиссара и капитана. Еще Любавин усмехнулся хмуро:

– Действительно – дерзость...

Через десять минут из леса появилась колонна. Первым шла танкетка, за ней «Кюбельваген», следом бронетранспортер, потом четыре грузовика с пушками, за ними полз еще один бронетранспортер, и опять грузовики...

Танкетка остановилась перед мостом, пропуская «Кюбельваген». В этот момент очередями ударили пулеметы одновременно с залпом почти сотни винтовок. Включились в работу и трофейные МГ. В одно мгновение все, кто был в легковой, и первом БТР, были изрешечены. ДШК всадил несколько очередей танкетке в борт и, после того как она задымила, перенес огонь на грузовики, из которых беспорядочно посыпались солдаты. Второй бронетранспортер съехал на обочину, и с него заработал пулемет. Трофейные МГ перенесли огонь на него. Пулемет на бронетранспортере замолк, а БТР, проехав несколько метров, замер. Один из грузовиков вдруг вспыхнул разрывом. Пламя раздалось в стороны и слизнуло часть укрывшихся от обстрела солдат. Соседние грузовики тоже загорелись, и уцелевшие немцы начали отползать к лесу. Небольшая группа энтузиастов попыталась отцепить пушку от последнего «опель-блиц», но тут взорвался еще один грузовик, после чего уцелевшие тоже рванули в спасительную чащу, а пулеметные расчеты прибавили им прыти.

Бабахнуло еще пару раз, и бой затих. Четыре чадающих остова остались на дороге. Под прикрытием дыма к БТР и легковушке перебежали десятков бойцов. Добычей стали четыре пистолета, два автомата, пулемет с бронетранспортера и десятков немецких карабинов. Боеприпасов тоже насобирали достаточно.

Затишье стояло недолго. Немцы попытались обстреливать деревню из минометов, но не имея подходящих полей в лесу, они нагло вылезли на опушку. И были наказаны. Во взводе Якушева кроме него был еще десяток метко стреляющих бойцов. Минометные расчеты выбили почти мгновенно. Уцелели единицы, шустро уползая под защиту соснового бора, а минометы так и остались на опушке.

А потом подошли танки. Шесть «троек» выползли из-за поворота, развернулись фронтом и начали обстрел. Это было серьезно. Против танков пулеметы не плясали.

Единственная преграда для танков – речка. Два Т-III направились к мосту. Сдвинув в сторону танкетку и «Кюбельваген», одна «тройка» вползла на мост. Тот бы выдержал большой вес, но не зря под ним поработали саперы. Мощный взрыв подбросил настил вместе с танком. После чего «тройка» клюнула вперед, провалилась меж опор и замерла кормой вверх. Люки распахнулись и из них начал медленно выползать контуженый экипаж. Трофейный МГ тут же вlepил очередь по немецким танкистам. Другая «тройка» выстрелила фугасом по пулемету и попыталась форсировать речку рядом с мостом. Но только она съехала в камыш, как начала быстро погружаться. Как вода поднялась до полок, сразу из машины бодро полезли танкисты, однако далеко они не ушли...

Немцы больше попыток форсировать реку не предпринимали. Начали обстрел. За артиллерию работали танки, и через два часа в деревне не осталось ни одного целого дома. Под прикрытием танков к речке начали перемещаться небольшие группы немцев. С ними и перестреливались бойцы, не давая форсировать реку. Иногда немцам удавалось переправиться, и тогда под берег летели гранаты.

Из-за обстрела и плотного пулеметного огня рота понесла ощутимые потери. Более половины было убито и тяжело ранено. Прямым попаданием убило расчет ДШК, сам пулемет раскурочило.

Обстрел продолжался.

Р-дадах!

Боец справа вскрикнул, выронил винтовку, сполз на дно окопа и забился в крике. Помочь ему Степан не успел – боец умер. Якушев только глаза мертвецу прикрыл. И остатки боезапаса забрал – патроны заканчивались.

Р-дадах!

Снаряд взорвался совсем рядом, и все звуки пропали, кроме сильного звона в ушах, а в голове стало тесно и очень больно. Степан зажал ладонями голову и, не в силах стерпеть эту боль, застонал.

«Где это я?» – появилась странная мысль и сразу затерялась во всполохах боли.

Кто-то схватил за плечо и начал трясти. Сержанту показалось, что трясется вся земля. Но боль вдруг отступила – и прорезался слух.

– Товарищ сержант! – слишком громко резануло по ушам. – Товарищ сержант!

Боец, увидев, что Якушев пришел в себя, быстро затараторил:

– Командира убило, комиссар тяжело ранен, вас зовет.

– Одного меня? – спросил сержант и поморщился. Гул в голове еще стоял.

– Еще старшину звал. Лейтенант уже там.

– Хорошо, иду, – поднялся Степан.

Комиссар Чурилов был земляком сержанта. Оба из Томска и оба жили на одной улице рядом с Воскресенской горой.

Стоп! Якушев остановился. Почему-то кажется, что его родина не Томск, а Городец...

Почему? Степан тряхнул головой, поморщился на вспышку боли, затем выглянул из окопа – как там немцы?

«Немцы... – возникла странная мысль, – значит, мужикам не приснилось...»

Удивиться этому Якушев не успел – засвистели пули и по краю окопа ударило очередь. Степан инстинктивно пригнулся, стряхнул насыпавшуюся на него землю, выматерился в адрес немцев и, пригибаясь, направился к правому флангу.

Чурилов с полностью забинтованной грудью лежал на дне окопа. Кровь намочила всю гимнастерку и проступила сквозь бинты. Рядом уже стояли старшина с лейтенантом.

– Что немцы? – хрипло спросил Чурилов.

– Отогнали, товарищ комиссар, – доложил лейтенант. – Затихли пока.

– Ненадолго... – выдохнул комиссар, – это авангард только. Следом идет полк. Нам его не сдержат. Так что слушай приказ...

Чурилов кашлянул. Кровь потекла изо рта.

– Слушай приказ, – повторил уже тише, – надо срочно предупредить наших...

Вновь закашлялся, кровь начала течь сильнее. Боец с санитарной сумкой бросился к Чурилову, но тот отстранил его.

– Сержант... Степан... – еле слышно позвал комиссар, – наклонись...

– Сержант... Степа... выведи людей. Ты тут самый опытный остался... лейтенант просто мальчишка... выведи. И предупреди командование дивизи...

Чурилов замолк и медленно выдохнул...

– Товарищ комиссар!

Уже Якушев отстранил наклонившегося санитаря. Потом закрыл глаза умершему, поднялся и снял каску. Постояли молча.

Сержант взглянул на лейтенанта. Тот был бледен и явно растерян.

Не успел Степан спросить лейтенанта, какие будут приказания, как за спиной кто-то быстро проговорил:

– Таварыш камандзир!

Якушев удивленно повернулся. Позади стоял парнишка лет двенадцати из местных, которого еще когда окопы рыли устали отгонять, чтобы не мешал и не доводил нескончаемыми вопросами.

– Таварыш камандзир! – затараторил парнишка. – Германци. Па лесе абышли. Чалавек сто. С куляметом и уинтоуками.

– Где? – спросили одновременно все трое.

– Па поудни тры вярсты. Сюды идуць.

Сержант взял планшет капитана, открыл и взгляделся в карту.

– Так, вот тут, – ткнул он в точку на карте, потом провел им до деревни.

– Хреново, – высказался старшина. – Теперь как, товарищ командир?

Лейтенант растерянно молчал.

– Тебя Андрей вроде зовут? – спросил паренька Воронин. – Ты, пострел, сам как сюда пробрался?

– Так па ускрайку, – махнул тот рукой, – лесам ды берагам ды па кустах.

– А нас провести сможешь?

– Ни, – замотал паренек белобрысой головой, – там ужо германци. Дакладна кажу!

– Куда провести?! – вскинулся лейтенант. – Приказа на отход не было!

– Приказа не было, – согласился Якушев. – Но нас осталось три десятка. А патронов на двадцать минут боя. Гранат вообще нет. Там, – и сержант показал на запад, – на нас до полка прет. Ляжем тут все. А потом немцы в тыл дивизии ударят. Если уходить, то вместе. Прорываться. Кто-нибудь до наших дойдет. Так шансов больше.

Лейтенант не ответил. Сержант приподнялся и заглянул за бруствер. Танки по-прежнему стояли у опушки. Вражеской пехоты не наблюдалось. Обстрел прекратился.

– Что-то затеяли...

Пулеметная очередь грянула неожиданно. Бил трофей на правом фланге, и похоже, в сторону поля.

– Немцы!

– К бою! – крикнули одновременно лейтенант и старшина.

Перебежками, меж разрушенных хат и сараев, бойцы кинулись к восточному склону.

– Как хреново-то, – хрипел на бегу старшина, – там у нас даже стрелковых ячеек нет, только часть окопа слева...

Добежали до чудом уцелевшего хлева на восточной околице. Выглянули. Немцы шли от леса.

– До роты, – сказал лейтенант и еще больше побледнел.

Якушев тоже внимательно осмотрел атакующего врага.

– Два взвода, – уточнил он. – Тоже не сахар. Хреново то, что у них до восьми пулеметов может быть.

Солидно заработал «дегтярев», следом открыл огонь второй трофейный МГ. Захлопали трехлинейки бойцов, рассредоточившихся по разрушенным домам и сараям.

Степан стрелял, считая каждый патрон. Мазать нельзя. Боеприпасов осталось ничтожно мало. И он не ма зал.

От леса ударили немецкие пулеметы. По срубам часто забарабанило, перемалывая древесину в труху. Убило бойца слева. Вскрикнул старшина. Он отполз и начал заматывать раненую ногу.

«Дегтярев» перенес огонь на опушку, стараясь погасить вражеские пулеметы, а трофейные продолжали работать по полю. Наконец немцы не выдержали и залегли. Потом начали отползать, оттаскивая раненых, а на поле осталось десятка два неподвижных тел.

– Вроде отбились, – пробормотал Воронин.

– Ты как? – спросил его Степан.

– Терпимо. Но теперь не ходок я. Сейчас «дегтярева» заберу. Больше проку от меня будет. Что там немцы?

– Отошли.

Якушев осторожно выглянул и принялся наблюдать.

– Сержант, а откуда тебе известно, что у немцев восемь пулеметов? – спросил лейтенант.

– По штату у них во взводе четыре ручника, – ответил сержант, и тут он заметил шевеление в глубине леса.

– Товарищ командир, там справа, у опушки...

Лейтенант посмотрел в бинокль. На опушке, почти в глубине леса находилась группа вражеских солдат, а рядом размахивал руками какой-то мужичок.

– Кто-то из местных... – пробормотал командир.

– То Прищепа, – услышали они за спиной. – Сволач вядомая! Гэта ен гермацам брод показав.

Никто не заметил, как этот проныра появился.

– А ты что тут делаешь? – изумился Якушев. – А ну кыш отсюда. Убьют же!

– А я врага биць хачу! – невозмутимо ответил Андрейка. И поднял из травы трехлинейку с примкнутым штыком. – Только патронав няма.

Лейтенант винтовку сразу отобрал.

– Я ж вас папярэдзів, а вы... – насупился парень.

Вдруг один из бойцов выругался. Степан проследил за его взглядом, присмотрелся и похолодел – немцы вновь пошли в атаку. Но перед собой они гнали стариков, баб, детей...

Бойцы оторопели.

– Сволочи, – процедил потрясенный Воронин. – Вот сволочи!

Бабы брели, прижимая к себе детишек. Их толкали прикладами. Старики пытались прикрыть родных и сразу получали удары. С поля слышался плач.

Вдруг из глубин сознания всплыло такое, отчего Степан чуть не выронил винтовку. Перед глазами замелькали страшные видения – разрушенные бомбежками города, замерзшие трупы на улицах Ленинграда... сожженные деревни... Хатынь... Росица... Бабий Яр... простые названия, вдруг ставшие страшным напоминанием в будущем.

В будущем?

Степан удивленно огляделся. Все напряженно смотрели на поле, сжимая оружие.

«Твари! Их истреблять надо. Всех до единого! За все, что они натворили на нашей земле!» Это никто не сказал. Это подумал кто-то за него, и Степан был с ним согласен. Злость заполнила сержанта полностью, до скрипа зубов.

– Это что же творится, товарищи? – растерянно спросил один из бойцов. – Это же бабы! Дети! Старики! Как они могут так? Разве у них нет жен и детишек?

– Плевать им на нас! – ответил резко Якушев. – Нет у них никакой совести. Это все план «Ост». Уничтожение всех русских. Расстреляют, потравят газами, сожгут, потому что унтерменши мы. Нелюди, значит.

И замолчал, удивляясь сказанному. Память вдруг подсказала такое...

– Как это нелюди? – вскинулся лейтенант. – Ты чего несешь, сержант?

– То самое, командир, – процедил сержант не своим голосом. – Вон, туда посмотри... что они творят! Люди для немцев они сами, все остальные – недочеловеки.

– Сволочи! – выругался боец. – Подойдут наши, так ударим, что сразу поймут – кто здесь люди!

Якушев уже знал, что удара не будет, что Красная Армия нанесет свой сокрушающий удар нескоро. Долго еще до этого удара. Но он промолчал, сам потрясенный.

Плач и вой приближался. Немцы толкали перед собой заложников, стреляли из-за их спин и тут же прятались. Бойцы целились во врага, но стрелять опасались, не задеть бы баб да детей...

Один старик отмахнулся от солдата, и тот пристрелил его. Бабы взвыли громче. Кто-то кинулся назад, к лесу. Выстрелы... упал убитый старик... мальчишка... молодая женщина...

– Мамка! Мамка-а-а! – взвыл за спинами бойцов Андрей. – Мамку забили!

Парень вскочил и бросился вперед, но, не пробежав и десятка метров, вскинул нелепо руками и рухнул, обливаясь кровью.

– Су-у-уки-и-и-р-р-а-а-а-а!

И три десятка бойцов понеслись на врага.

В штыки.

«Там пулеметы!» – мелькнула чужая мысль и пропала в бурлящей ярости.

– Ёр-р-р-а-а-а! – рождающийся в груди рык драл глотку и глушил все вокруг, словно не тридцать разъяренных бойцов атакуют врага, а вся рота, батальон, полк!

Острые жала штыков сверкают на солнце и уже нацелены на ненавистные серые фигуры с закатанными рукавами и в глубоко надвинутых на головы касках.

От опушки запоздало ударили пулеметы. Но бойцы успели пробежать склон, и теперь толпа и сами немцы прикрыли атакующих. С холма заработал «дегтярев». Это старшина начал гасить немецких пулеметчиков.

Немецкая пехота стала стрелять прямо сквозь толпу. Это только прибавило ярости бойцам.

– Ур-р-ра-а-а! – Первым вломился в толпу немцев лейтенант с винтовкой в руках и с ходу вонзил штык во врага.

Якушев перескочил тела двух женщин, и перед ним оказался здоровенный фриц с карабином и штыком. Тот подался вперед, выбрасывая маузер навстречу сержанту, но Степан уклонился влево и сразу ударил. Штык вошел словно в манекен на полигоне. Немец выпучил глаза, выронил карабин и схватился за мосинку. Якушев попытался ее выдернуть, но немец держал ствол обеими руками и крепко. Тогда сержант подхватил немецкий карабин и ударил прикладом под каску.

– Сзади! – вспыхнуло в голове.

Успел оглянуться и машинально двинуть карабин назад.

– Шайзе... – прохрипел немец, заваливаясь.

Дернуло левую руку. Степан отмахнулся карабином и сразу ударил штыком. Что-то сильно стукнуло в маузер, выбивая из рук. Якушев отшатнулся, запнулся об убитого немца. Упал.

– Сыно-ок... помажи... – простонал кто-то рядом.

Пожилая женщина с большой раной на шее. Боль в ее глазах быстро затухла. Женщина замерла...

Ир-р-р! Якушев зарычал, взвился, в прыжке вырывая саперную лопатку, и кинулся вперед.

Отбить штык, взмах, и лопаткой под каску.

По шее немцу, что завалил лейтенанта и пытается добить его штыком.

Взмах, удар, еще удар...

Якушев многое умел. Драться умел, хорошо умел, виртуозно владел ножом, но то, что он творил сейчас...

Какая-то неведомая сила помогала ему. И в голове вспыхивали незнакомые слова, сопровождающая его стремительные движения – хоу-сао-туй, мае-гери, гедан-кингери...

И лопаткой, лопаткой...

Подкатом под ноги, левой в пах, лопаткой по шее, оттолкнуться от упавшего, навстречу набегающему врагу, поднырнуть под штык, саперка мелькает два раза, а немец, хрипя и брызгая кровью, улетает за спину...

Свалка! Лязг! Хруст! И рев. Утробный. Оглушающий.

И немцы не выдержали. Сначала попятнулись, потом побежали.

– Б!-р-р! – вырывается из глотки. – Бей! Бе-е-ей!

– Вперед! – это лейтенант. Еще жив пацан! Весь в крови, глаза бешеные, в руках винтовка, а окровавленный штык выглядит страшно...

– Ур-р-ра! – и бойцы бегут следом за удирающим врагом.

Догнать! Убить!

Степан настиг удирающего немца. В прыжке мощным ударом сломал тому хребет, достал до другого врага, рука с лопаткой в замахе...

Вдруг в голове ярко вспыхнуло. Ноги подогнулись, и Якушев провалился в черноту...

* * *

Из неотправленного письма Отто Зейгардта:

«Восемь дней войны, и трудно поверить в то, что произошло всего два дня назад. И я рад, что выжил в той бойне. Моя милая Марта, я не хочу пугать тебя описанием того ужаса, что я испытал тогда. И видит Бог, никто из камрадов не ожидал. Мы все знали, что русские сильны в штыковой атаке, но это...»

Их глаза горели бешенством, они рычали как звери. И шли на нас неуязвимые, страшные, жуткие.

На меня надвигался один Иван. Он на моих глазах вонзил штык в грудь Липке, я писал как-то о нем, так этот Иван поднял беднягу Липке на штыке и швырнул через себя. Как куклу. С жутким рыком. Потом он посмотрел на меня, и страх парализовал меня. Я ничего не смог сделать. Русский штык пробил мою грудь.

Но я выжил. Мне сказали, что тогда погибло много камрадов и я уже много раз благодарил Бога, что я один из выживших...»

Глава 3

– Паша. Паша!

– А? – поднял голову Свешников.

– Я вот все думаю, – произнес Маргелов, – что это с нами было?

– Не знаю... – буркнул Профессор.

Вася удивленно покосился на друга. На его памяти «не знаю» от Свешникова никогда не звучало. Всегда он что-то предполагал, объяснял, строил гипотезы...

– Вот и я не понимаю, – сказал Маргелов, – наш томограф снимки делает исправно, может, и не такие, как заводские, но делает же. Вот почему такой побочный эффект? С ним представлять наш продукт не следует.

– Только как аттракцион, – усмехнулся Павел, – специфический.

– Очень плохая идея, – хмыкнул Вася. – Как только про это станет известно, то наш аппарат изымут компетентные органы.

– Это и так ясно, – вздохнул Паша. – Надо причины искать – почему нас закидывает в другие тела, причем в прошлое. И пока я не понимаю, почему.

– погоди, – Вася почесал затылок, – знаешь, на что это похоже? Я как-то фантастический роман читал – «Корпорация “Бессмертие”» Роберта Шекли. Так там описывались аппараты, которые изымали душу у человека и подсаживали другую. Так продолжали жизнь тем, у кого водились деньги, то есть богачам, а бедолаги, то есть бедняки, были как доноры всего тела. Улавливаешь сходство?

– Пока нет. Мы никого из тел не выгоняем. Не знаю, как у тебя было, а я, когда сказал Григорину про то, что сокрушающего удара еще долго не будет, так он просто подавил меня, загнал в глубину сознания. Я как под пресс попал. Так что... – и Свешников развел руками, – сходства нет.

– Есть! – возразил Маргелов. – Сам факт вселения сознания в чужое тело. И еще, в книге был эпизод, где герою предлагали развлечься – попутешествовать по чужим телам. Героя, кстати, так эвакуировали – сознание скакало по чужим душам, а тело вывезли в рефрижераторе, чтоб приборами не засекали. У нас очень похожий случай. А героя, между прочим, из прошлого перед самой аварией, где он должен был погибнуть, выдернули.

– Из прошлого в будущее, а у нас наоборот. И в начало войны, причем в ту же дату.

– Да-а-а... – протянул Маргелов и посмотрел на Жукова – тот лежал спокойно, лишь ресницы подрагивали. – Попадос, как в альтернативке.

– Что еще за альтернативка?

– Направление в фантастике, – пояснил Вася. – Я ее много читал. В нашем взводе имелись любители. В этих книгах герои всегда, проваливаясь в прошлое, именно в начало или перед самой войной попадали.

– А почему?

– А хрен его знает, Паш. Так авторам хотелось. Причины разные – то инопланетяне, то вследствие экспериментов потомков со временем, то банальная молния. А то и вовсе без объяснения причин – раз и у Сталина в кабинете!

– Вот так сразу к Сталину?!

– Ну, или к Берии, неважно, но обязательно соблюдались три правила – промежуточный патрон, командирская башенка и песни из будущего, плюс варианты...

– Дурь! – констатировал Свешников. – Лучше про планы немцев рассказать.

– Не без этого, – улыбнулся Вася. – А про три правила я просто стебался. И нормальные книги про попаданцев читал.

– Когда ты успел столько книг прочитать? В школе за чтением я тебя никогда не заставлял.

– Когда служил. В основном во время долгого сидения на «точках».

Жуков вдруг зарычал и начал махать руками.

– Отключай! – крикнул Свешников, чудом уворачиваясь от выстрелившей в его сторону ноги.

Маргелов отключил «работу» и кинулся на помощь, но помощь не понадобилась – Жуков сразу успокоился. Сел.

– Вы были правы, мужики, – прохрипел Сергей.

Потом он встал, подошел к столу, взял бумагу с именами, и дополнил своей записью:

«Якушев Степан Михайлович. Родился в Томске в 1917 году. Сержант. Погиб 27.06.1941».

Затем налил себе водки. Выпил.

– Что же такое мы сделали? – рассматривая кружку, спросил он. – Это не томограф. Это какая-то машина времени.

– Это не машина времени, – возразил Свешников. – Наши тела никуда не перемещались, и не факт, что было перемещение сознания. Возможно, наш аппарат транслирует в мозг некую запись, сохраненную в памяти земли. Своеобразное информационное поле, ментал, например. Так наш аппарат подключается к менталу, и мы видим все как в записи.

– Тогда не сходится.

– Что не сходится?

– Что это запись. Ты, например, – Сергей ткнул пальцем в Павла, – что-нибудь сделал, когда был... э-э-э... там?

– Ничего, – признался Паша. – Я был напуган... до смерти.

– А ты? – повернулся Жуков к Маргелову.

– Какое там?! Я в полном обалдении был... – смутился Вася. – Да и бой недолгим был...

– Вот! А я помогал, как мог...

– Расскажи.

– Бой был тяжелый, – начал Сергей, – странно, что название деревни не помню, остальное... всю жизнь, начало войны и сам бой... Я был сержантом. Замком...

И Жуков все рассказал. Как ротой держали оборону против целого полка. Как немцы погнали детей, баб и стариков перед собой, как бойцы пошли в штыковую, и как он, именно он убивал немцев.

– Понимаете, Степан, ну тот, в кого я попал, он и так сильным был. Настоящий мужик! Но он бы не выжил в той свалке. Там немцев в три раза больше было. Не бой – резня. Я как бы видел, что творилось вокруг. Видел на все триста шестьдесят градусов. Подсказывал, как уклониться, куда ударить. Иногда я перехватывал действия тела и бил. Со всех сил. Лично свернул голову двоим. Саперной лопаткой рубил... чуть не хватило до леса дойти...

– М-да, – произнес Маргелов. – А я больше мешался...

– Сходится или не сходится, это не объясняет ничего. Во снах тоже всякое бывает. – Паша опять что-то записал в блокнот.

– Или все же имеется перемещение сознания, – сказал Маргелов. – Я даже пример из фантастики вспомнил – аппарат по изъятию-вселению сознания. У нас нечто похожее.

– Согласен, – кивнул Жуков. – И реальная боль. До того, что...

Сергей сдвинул рукав футболки и удивленно показал на четкое покраснение, похожее на след от пулевой раны.

– Как это объяснить? – спросил Маргелов, рассматривая себя. На его теле тоже были покраснения, словно от ожогов. – Очень похожи на ранения, что получили тела тех, в кого мы попали.

– Может, и было перемещение, – пробормотал Паша, рассматривая свой живот, где был узор из красных линий. – Это отразилось на наших телах...

Друзья переглянулись.

– Что теперь будем делать? – высказал общий вопрос Маргелов.

– Как что?! – удивился Паша. – Исследовать, пробовать, пытаться найти причину такой необычной работы томографа.

– Это ясно и так, – сказал Сергей. – А после того как найдем?

– После того как найдем, – ответил Маргелов, – погружаемся или перемещаемся в прошлое и помогаем нашим.

– В чем? – спросил Жуков. – И зачем?

– Как это зачем? – опешил Вася.

– Наши деды справились и без нас.

– Я тебя не понимаю. У тебя ведь прадед погиб.

– При чем тут это?! – выкрикнул Жуков. – Ты забыл, для чего мы это затеяли? Я такие надежды возлагал на этот проект!

Маргелов промолчал, хмуро смотря на друга.

– Паша, ты хоть скажи...

Но Свешникова только плечами пожал. Сергей вздохнул. Сел.

– Извините, мужики, я действительно много надежд возлагал на этот проект, а тут...

– Я предлагаю поступить так, – решительно поднялся Паша, – первое – находим причины, из-за которых томограф работает на перемещение, фиксируем эти причины, временно исправляем и проверяем томограф в нормальном режиме. Второе – делаем дубликат томографа, который представляем как новый продукт. Ну а третье, на этом аппарате, как предложил Вася, делаем выходы в прошлое. Ведь надо исследовать этот феномен, и я тоже считаю, что можно нашим помочь. Вдруг удастся сократить потери, например?

– А как быть с эффектом бабочки? – поинтересовался Жуков.

– А никак, – пожал плечами Паша, – это лишь теория.

– Которую придется проверять нам, – хмыкнул Вася.

– Проверим. И еще, – добавил Свешников, – хорошо бы понять – почему нас забрасывало в одну и ту же дату. И почему именно в сорок первый.

– Когда начнем? – спросил Маргелов.

Все посмотрели на часы.

– Да хоть сейчас, – пожал плечами Паша. – Времени еще навалом.

– Тогда я первый! – потер руки Маргелов и направился к кушетке томографа.

– Э-э-э, стой! – возмутился Сергей. – Почему ты первый?

– Потому что десантура всегда впереди!

– Это разведка всегда первая.

– Вы еще подеритесь! – засмеялся Паша. – Просто бросим жребий и без обид...

* * *

Яркая спираль закручивалась, превращаясь в яркую трубу, по которой быстро несло маленькую частичку вселенной, бессмертную субстанцию или попросту – душу. Мгновение и спираль выстрелила мыслящим сгустком через черную воронку. И вместо необычной легкости, навалилась жуткая тяжесть, как кувалдой вбив сознание в чужое тело.

Первое, что ощутил Маргелов, это падение. Рот наполнился чем-то сухим и противным.

– От же! – воскликнул кто-то. – Сомлел, что ли, сержант?

Васю подхватили под руки и помогли подняться. Маргелов мелко заморгал – пыль попала не только в рот.

– Что тут произошло?

– Сержант наш упал, тащ командир, – ответил кто-то из помощников.

Вновь сержант, подумал Маргелов и увидел перед собой военного с двумя кубиками в петлицах. Лейтенант оказался ему по подбородок. Или командир маленький, или он теперь большого роста.

– Упал, тащ лейтенант, – доложил Вася командиру. – В глазах помутнело, наверно, тепловой удар был. Жарко.

Лейтенант смерил Маргелова пренебрежительным взглядом.

– Приведите себя в порядок, сержант, – неприязненно сказал он и направился по дороге.

– Вот ведь... – тихо выругались справа, – сам-то весь в пыли...

– Он прав, – буркнул Вася и принялся отряхиваться, не забывая часто сплевывать.

Надо же так брякнуться с открытым ртом, всю пыль с дороги собрал. Наверно, хозяин тела в момент состыковки сознаний смачно зевал, а сила, с которой Маргелова внедрило в сержанта, повергла того в состояние грогги – почти никаких мыслей. Но некоторую информацию Вася получил. Звали его, то есть того, в кого попал Маргелов – Ярослав Васильевич с душисто-слезоточивой фамилией – Резеда. Родом из Мурманска. Служит с сорокового года. На хорошем счету. Отличник боевой и политической. Вот только со взводным отношения прохладные. Да и плевать на отношения. Разбираться в причинах неприязни Вася не собирался. Но плевать уже было нечем.

– Держи. – И ему сунули флягу.

Маргелов сполоснул рот теплой водой. Стало легче.

– Спасибо, – поблагодарил он бойца.

– Ничто, тащ сержант. Мы с понятием.

Понятливый боец с фамилией Репин забрал флягу, поправил винтовку на плече и зашагал по дороге. Маргелов тоже поправил мосинку и двинул следом, на ходу осматриваясь. Начал с себя. Рост, судя по всему, действительно высокий. Тело худое, но мускулистое. Ладони широкие и в мозолях. В общем – не хлюпик, что радует. Лицо... на ощупь не осмотришь, но это дело поправимое, потом в зеркало лишь глянуть – какова его физиономия. И главное, теперь Вася на первых ролях, то есть сам управляет телом, а не так как в случае с танкистом.

И тут из глубин сознания начало подниматься удивление, похоже, хозяин в себя пришел. Чтоб не отвлекаться и обеспечить дополнительный ступор сержанту Резеде, Вася сразу вывалил информацию про будущее, а сам принялся изучать окружающую обстановку.

Прямая дорога. Грунтовая, широкая. Три десятка бойцов шагают вслед за двумя телегами с гражданскими, а далее идет народ, очевидно беженцы. И позади тоже. Правда, пыль стоит столбом, не разглядеть – есть ли еще войска. Единственное, что он понял – судя по солнцу, все направляются почему-то на восток. Может, дорога так повернула? Беженцы-то понятно, от немцев уходят, но они почему идут от фронта? Или его подразделение направляется на новый рубеж? Или отступают? А число, кстати, сегодня какое? Хм, опять 27 июня 1941 года.

– Во-о-озду-ух! – истерично заорал лейтенант.

Из-за деревьев выскочила хищная тень. «Мессер» резко повернул и прошелся вдоль дороги, щедро поливая из пулеметов. Люди завопили и начали разбегаться.

Вася прыгнул к обочине и вовремя – грунтовку вместе с находящимися на ней людьми вспорол очередь. Маргелов упал и сразу увидел часть ствола пулемета. «Дегтярев» лежал рядом с убитым бойцом сошками вверх.

Вася вернулся назад, подхватил ручник и невольно выматерился – «дегтярь» не РПК, прицельно стрелять не получится, хват неудобен, чтобы бить по воздушным целям.

Самолет успел сделать горку, развернуться и вновь зайти в атаку вдоль грунтовки. От фюзеляжа отделилась капля. Бомба рванула между двумя телегами. По ушам резануло криками раненых. А «мессер» начал расстреливать разбегающихся людей.

– Вот сука! – выругались сзади. – Видит же, что по гражданским бьет!

Скрипнув зубами, Вася направил ручник на самолет и вдавил спуск. И... ничего!

«Не заряжен?» – растерянно подумал Маргелов.

«Сильнее ложе сожми, лопух!» – рывкнул Резеда.

Вася сжал правую кисть, и сразу лязг с грохотом очереди заглушил все звуки. Пулемет затрясся, сбивая прицел.

Фонтаны разрывов приближались, они прошли по телеге, разрезали несколько тел убитых...

– А-а-а! – заорал Маргелов, стараясь попасть в хищный силуэт.

Пулеметы на «мессере» вдруг замолчали, и «дегтярев» щелкнул вхолостую. Истребитель пронесся. Осталось только выmaterиться вслед «мессеру», что Вася и сделал. И тут «мессер» завалился на крыло, затем самолет повело вправо и вниз, он задел крылом макушки сосен, рухнул в лес и взорвался.

– Сбил! – заорали за спиной. – Товарищ сержант «мессера» сбил!

А Маргелов остолбенел. От удивления. Как так? Он был абсолютно уверен, что как ни старался, но его очередь прошла мимо. И дыма за самолетом не было. В пилота попал? Нет, он и фюзеляж вряд ли задел. Что-что, а с «дегтяря» по воздушным целям стрелять толку нет. И все-таки...

Вася посмотрел на пулемет, повертел в руках. Да, это не РПК. С «дегтяря» только с упора стрелять, иначе не то что в цель, даже в область прицеливания не попадешь. И этот чертов автоматический предохранитель!

«Ты... это... извини, что я так тебя, – повинился Резеда, – я бы сам, но рукой никак не смог двинуть...»

«Ничего, – мысленно усмехнулся Вася, – командиры на меня и круче словесно загибали».

Маргелов осмотрелся. Немец успел дел натворить. Кстати, а почему он был один? «Мессера» вроде парами летали. Где второй? Сбит или был подбит и ушел, а этот, увидев колонну беженцев, решил порезвиться?

Порезвился, называется, сволочь! Ведь прекрасно видел, что по гражданским бьет.

А погибших было много. Тут глаза зацепились за тело в форме.

– Товарищ, сержант, лейтенанта убило! – выдохнул подбежавший боец Репин. Но Маргелов и так уже понял – кто это лежит. Летеху было жалко – мальчишка совсем.

Память Резеды подсказала, что прохладные отношения начались после танцев. Из-за девушки, которая отшила лейтенанта и предпочла танцевать с Резедой, а тот обиделся на своего заместителя.

«Так ты замок?»

«Кто?» – не понял Резеда.

«Зам командира взвода», – пояснил Вася. И сразу рывкнул:

– Отделенные ко мне!

Подбежали четыре сержанта. Доложили о прибытии, но только один сержант Самойлов дополнил доклад тем, что у него в отделении потерь нет.

Маргелов от этого нахмурился, впрочем, не только он. Резеда тоже, но поучать некогда, надо действовать. Не ровен час, опять авианалет случится или немцы нагонят.

– Сержант Самойлов, твоя задача – пройтись вдоль дороги на запад и помочь гражданским. Пусть забирают тела, грузят на телеги и уходят к реке. Даю тебе двадцать минут на все. Затем идешь в тыловом охранении.

– Есть! – козырнул Самойлов.

– Остальным проверить личный состав и выделить людей для помощи беженцам. Через двадцать минут доложить.

Ответив «Есть!», сержанты убыли выполнять приказ, а Маргелов направился к телу лейтенанта, забрав Репина в помощь.

Лейтенант лежал на обочине. Вася осторожно снял планшет. В нем нашлась карта, но никаких отметок на ней не было.

«Куда же он вел взвод?»

«Не знаю, – отозвался Резеда. – Приказ он нам не озвучил».

– М-да-а-а... – протянул Маргелов. – И что теперь?

Вася еще раз внимательно осмотрелся, но никаких ориентиров не было. Тогда по воспоминаниям Резеды он восстановил примерный путь и определился с местоположением. Судя по карте, через пять километров будет деревня у реки и мост. Может, это и есть точка назначения? Поди теперь разберись.

Маргелов вздохнул и посмотрел, что еще имеется в планшете. Нашел две тетради, чему и обрадовался. Все бойцы при деле, колонна беженцев потихоньку начинает двигаться, так что имеется время для выполнения задуманного. Вася отправил пару бойцов к деревне, а сам, отойдя подальше от дороги, сел под куст и начал записывать карандашом направления немецких ударов, номера полков с именами командующих, включая штабистов, то есть все, что успел запомнить перед «выходом».

«А почему данные только на три дня? – удивленно подумал Резеда. – Не лучше бы сразу все сведения передать?»

«Во-первых, я не компьютер, – ответил Вася, – во-вторых, смысла передавать все я не вижу, если наши поверят этим сведениям, в чем я сомневаюсь, и отреагируют, то немцы могут изменить направления ударов. Тогда все сведения просто сочтут дэзой».

«Понятно... а что такое компьютер?»

«Это устройство такое, способное обрабатывать данные и производить вычисления, а также выполнять иные задачи. Например, целым заводом управлять...»

Резеда удивленно замолчал, а Вася, посмеиваясь, дописал сведения в тетрадь, затем внимательно перечитал.

«Чего-то не хватает...»

«Забыл чего?» – спросил Резеда.

«Нет, сведения я записал все. Думаю, подписи не хватает».

«В смысле? Какой подписи?»

«От кого эти разведданные. Мы ведь только частями можем информацию передавать. Да и не всегда будет так со временем везти. Надо что-нибудь этакое...»

«А, – понял Резеда, – тогда запиши так – Феникс. Это птица такая сказочная, символ воскрешения и бессмертия».

«Знаю – умирает в огне и восстает из пепла. – И Вася невольно поежился. – Но предложение отличное! Чай, не в институте учился, Ярослав Васильевич?»

«Не, только семилетку закончил».

Вася взглянул на дорогу. Похоже, колонна беженцев заканчивалась, уже видно отделение Самойлова, идущее последним. И остальные бойцы уже собрались у обочины, не хватало только тех, кто к деревне ушел.

«Ладно, – поднялся Маргелов, – пора выдвигаться. Ты это, когда я говорю, не очень-то активно думай, а то брякну чего еще невпопад».

«Ты и так меня вглубь задвинул, – буркнул Резеда, – собственным телом не владею. А еще боюсь с ума сойти».

«В смысле?»

«Где это видано, чтобы в нормальном человеке две личности обреталось? Таких сумасшедшими называют».

«Семилетку закончил, говоришь?»

«У меня родители медики. Отец психиатр, мама медсестра. А что со мной будет, когда ты обратно вернешься?»

«Не знаю». Чтобы не пугать сержанта, мысли о гибели тех, в кого они попадали, на всякий случай, Вася не допускал. Вдруг начнет паниковать и контроль над телом перехватит?

– Значит так, товарищи, – сказал Маргелов, после того как командиры отделений доложились о выполнении приказа, – выдвигаемся к деревне. При появлении вражеской авиации не паниковать. Рассредоточиться. Стрельбе по воздушным целям вас обучали. Так что бьем и сбиваем.

Сержанты заулыбались, косясь на «дегтярева», который держал Репин.

– Во время движения следить за обстановкой, обратить особое внимание на прилегающую местность.

– А что не так с местностью? – спросил отделенный Ремизов.

– В нашем тылу могут находиться немецкие диверсанты, – ответил Маргелов.

– Напасть на нас могут?

– И это тоже, – кивнул Вася, – а еще имеется информация, что немцы используют нашу командирскую форму, особенно форму НКВД. Надеюсь, понятно, для чего?

Сержанты кивнули.

– А как разобраться – кто диверсант, а кто настоящий командир?

Растолковывать приметы, особенно про нержавеющие скрепки, Вася пока не стал.

– Слишком они правильные, но с такими я сам разберусь, но все равно бдительности не терять. Приготовиться к выдвигению, отделенным построить личный состав, отделение Самойлова замыкающее.

Взвод начал движение по дороге. Через двести метров дорога повернула направо. Канавка с левой стороны постепенно начала расширяться, превращаясь в неглубокий заросший ивняком овраг. У самой опушки за канавой небольшой бугорок, поросший кустарником, по которому Маргелов мазанул взглядом и... тихо чертыхнулся.

«Что?» – встрепенулся Резеда.

«Там кто-то есть».

«Немцы? Диверсанты?»

«Возможно».

Маргелов сблизился с Самойловым и тихо сказал:

– Сержант, посмотри на кусты слева, только осторожно, не особо приглядывайся.

– Что там? – зевая, спросил Самойлов.

– Есть кто-то. Следит за дорогой. Есть у тебя в отделении наиболее подготовленные бойцы?

– Имеются, – кивнул сержант. – Красноармейцы Песцов и Жалейко. Оба отличники боевой и политической...

– Главное, чтобы они по лесу ходить умели.

– Оба охотники.

– Отлично. Сейчас после поворота нас кусты прикроют, я с бойцами в лес, проверить, что за фрукт там сидит, а ты оповести остальных и прикроешь меня.

– Может, тыловой дозор предупредить? Они в трехстах метрах за нами идут.

– Не надо, будут на себя внимание отвлекать.

Как только их скрыли кусты, Маргелов пробежал ложбину, поднялся по откосу и начал осторожно пробираться к примеченным кустам, немного забирая в глубину леса. Бойцы шли за ним след в след и особо не шумели. Когда до кустов на бугре осталось метров пятьдесят, Вася сказал Песцову шепотом:

– Обойди справа, но к кустам не лезь, жди сигнала.

Боец кивнул и растворился в лесу.

– Жалейко, ты со мной. Не отставай.

– Не отстану, товарищ сержант.

Выглянув из-за сосны, Вася сразу увидел человека в черных штанах и серой рубашке. Он пристально вглядывался сквозь кусты, а рядом стоял пулемет. «Максим» был хорошо замаскирован, то-то с дороги его не углядел, но как раз маскировка и выдала, слишком неестественно ветки торчали.

Обернувшись к бойцу, Маргелов показал знаками, что видит одного. Тот кивнул и выставил винтовку. Прицелился. По времени Песцов тоже должен быть на месте. Кивнув бойцу, Вася начал осторожно подкрадываться. Когда осталось совсем немного, прыгнул. Человек даже повернуться не успел. Вася вырубил его ударом в затылок. Из кустов, держа на прицеле тело, появились Жалейко и Песцов.

– Лихо ты его, командир!

– Сейчас посмотрим, что за фрукт, – сказал Вася, переворачивая «диверсанта».

– Эге! – удивился Песцов.

Вася задумчиво потер щетину. Перед ним лежал старик. Лет за шестьдесят – отметил про себя Маргелов.

«И это диверсанта? – удивился Резеда. – Староват немчура».

«С чего ты взял, что это немец?»

«Ну так пулемет...»

«А если подумать?» – раздраженно ответил Вася.

– Жалейко, – сказал он бойцу, – беги за Самойловым. Пусть сюда подойдет и пару бойцов прихватит.

– Есть! – И боец быстро убежал к дороге, второй проводил его глазами, пришлось одернуть:

– Песцов, не отвлекайся.

Боец кивнул, перехватил винтовку удобнее и шагнул чуть назад, чтобы не мешать осмотру и контролировать лежащего.

Вася быстро обыскал старика. В кармане штанов нашелся кисет с табаком и спички, пока в сторону. В пиджаке, который постелил под себя пожилой диверсанта, обнаружился револьвер системы Нагана, а во втором кармане десяток патронов к нему. Больше ничего не нашлось.

Хотя намерения этого старика были уже ясны, но Маргелов все-таки дернул деда за бороду, мало ли приклеена...

После чего Вася внимательно осмотрел револьвер.

– Императорский Тульский оружейный завод, тысяча девятьсот пятый год, – прочитал Маргелов на левой щечке.

– Ну так, – хмыкнул Песцов.

Вася покосился на бойца. Выражение лица у него было такое, словно перед ним настоящего немецкого диверсанта обыскивают и, если тот даже чуть шевельнется, то тут же пристрелит.

Вздыхнув, Маргелов принялся за осмотр пулемета. «Максим» тоже был в «возрасте», и если не старше нагана, то где-то рядом, хотя состояние удовлетворительное. Пулемет был заряжен холщовой лентой, что тоже указывало на возраст. Резеда тут же подсказал, что матерчатые ленты до сих пор используют, а пулемету лет тридцать, не больше, так как кожух ствола без ребер, и отверстие для залива воды узко. На поздних модификациях горловина делалась шире.

«Интересно, как старик его сюда притащил? – еще подумал сержант. – Или он где-то рядом был припрятан?»

Но Вася только отмахнулся, придет в себя – спросим, его заинтересовало другое – из пулемета стреляли. Рядом валялись десятка два гильз. Вася прицелился, проверяя сектор стрельбы, и хмыкнул – ну да, кто бы подумал! Вот доказательство, что никакой это не диверсанта. Но если для Маргелова это было очевидно, то остальным придется доказывать.

«Так это он “мессера” сбил!» – догадался Резеда.

«Он, некому больше. Сам видел, как удобно он пулемет поставил. И стрелять умеет, всего с одной очереди снял».

«И никто ее не слышал», – уныло подумал сержант.

Послышались голоса, и к кустистому бугорку подошел сержант Самойлов, другие отделенные, и бойцы, что Маргелов послал к деревне.

Все прибывшие сразу недобро уставились на лежащего. Пресекая возможные вопросы, Вася распорядился, обращаясь к разведчику:

– Докладывай.

– Проверили мы деревню, товарищ сержант, – начал доклад боец. – Разбомбили ее подчистую два дня назад. Стрелковый батальон на том берегу стоял. Вчера наши ушли, оставив два отделения под командой сержанта Давыдова поврежденный мост ремонтировать. Перед ним уже беженцев очень много скопилось.

Надежда прояснить у переправы задачу взвода рухнула, и Вася невольно выматерился в адрес командования, неразберихи и погибшего лейтенанта. Нет бы довести до личного состава, куда они следуют. Гадай теперь – что был за приказ? А теперь принятие решения легло на плечи Маргелова-Резеды. Точней на Василия, так как Резеда явно был растерян от полученной информации. Немного помолчав, обдумывая сложившуюся ситуацию и смотря на «максим», Маргелов решил уточнить некоторые моменты:

– Как скоро восстановят мост?

– К вечеру обещали управиться.

– Дорога еще повороты имеет?

– Нет, отсюда по прямой, вдоль оврага и до самого моста.

– А овраг?

– Расширится. У деревни слева ручей по нему течет, видать, родник есть.

– Ясно, – кивнул Маргелов.

«Что ты задумал?» – спросил Резеда.

«В деревне беженцы. Много. Вдруг немцы появятся? Нам следует занять оборону, и лучшего места, чем здесь не найти. И “максим” пригодится, жаль только патронов мало».

– Слушайте приказ, – начал говорить Маргелов. – Занять оборону. Уваров, твое отделение та сторона обочины и «дегтярева» возьми. Остальные тут. Окопаться. При появлении противника – держим оборону до тех пор, пока все беженцы не переправятся на тот берег.

– Сержант, – придержал Вася Самойлова и кивнул на «максим», – пулеметчики у нас имеются?

– Стрелять могут пара человек, но...

– Ясно, значит, нет, – помрачнел Маргелов и невольно глянул на старика, который уже начал приходить в себя.

– О-о-ох... – простонал дед, заерзал, приподнялся, сел и сразу схватился за виски. Так держась за голову, он и осмотрелся.

– Что смотришь, сволота немецкая? – процедил Самойлов. – Не вышло у тебя, а?

Дед было вскинулся, собираясь что-то сказать, но передумал. Покосился на пулемет, посмотрел вниз, на опустевшие карманы пиджака. Насупился.

– Погоди, сержант, никакой он не немец, – сказал Маргелов.

– Как же... – начал было Самойлов, но Вася его перебил:

– Ты хороший отделенный, сержант, но дальше своего носа не видишь. Сложи два и два и станет понятно. Ты вот скажи такую вещь – когда нас «мессер» атаковал, почему никто этого пулемета не слышал? Что молчишь? И, не дожидаясь ответа, спросил у деда:

– Твой?

Старик посмотрел исподлобья и буркнул:

– Мой.

– Где взял?

– Там уже нет.

– Ты понимаешь, старый, что нам некогда с тобой тут ляды точить? – начал злиться Вася.

– Да расстрелять его и дело с концом! – предложил Самойлов, хитро взглянув на Резеду.

– Что же, расстрел так расстрел. Все едино. – Дед поднялся, взял свой пиджак, отряхнул, надел, после чего гордо расправил плечи. Все бойцы уставились на его грудь, где были приколоты два георгиевских креста.

– Эге, да он белогвардейский недобиток! – воскликнул один из бойцов и шагнул к старику. – А ну сымай!

– Не смей! – неожиданно громко рявкнул дед, отступая и загораживаясь рукой. – За эти кресты кровью плачено. С ними и расстреливайте.

– Можем и с ними! – и боец угрожающе поднял винтовку, но тут рявкнул Самойлов:

– Отставить, боец!

Красноармеец оглянулся и с удивлением увидел неодобрение на лицах командиров. Да что командиров, лица других бойцов, особенно старше по возрасту, тоже не были приветливыми.

– Ты, Ремизов, шустер не в меру, – сурово сказал отделенный. – При старших по званию-то поперед лезешь. И чего несешь? Отец мой тоже крест на войне получил, и сам знаешь, кто он, а маршал Буденный аж четыре креста заслужил, и что теперь, по-твоему?

Боец побледнел, а Самойлов посмотрел на Маргелова-Резеду.

– Все правильно, сержант, – кивнул Вася, довольный результатом.

Насколько он знал, старшее поколение, заставшее Первую мировую, уважительно относилось к людям, награжденным георгиевским крестом, а к кавалерам тем более. Резеда подсказал, что кресты носили, хоть это и не одобрялось, а молодежь почти всегда негативно относилась к царским наградам, особенно после выхода фильма «Чапаев».

Вася внимательно посмотрел на деда.

– Давайте начнем со знакомства. Я, сержант... – Маргелов чуть сбился, едва не представившись своей фамилией, – Резеда Ярослав Васильевич. Временно исполняю обязанности командира взвода.

– Черных Кондрат Степанович. – И Васе почему-то показалось, что дед собирался щелкнуть каблуками.

– За что кресты получил, Кондрат Степанович? – спросил он.

– Первый за бой под Сольдау. Заменял погибший пулеметный расчет и отразил атаку германцев. После чего пулеметчиком и стал. Второго Георгия уже под Двинском получил, тоже за оборону...

– Слышал, боец, за что кресты получены? – обернулся Маргелов к Ремизову. – Сержант, красноармейцу Ремизову я рекомендую поставить отдельную трудовую задачу. И остальным тоже дела найдутся. Сержант, озадачьте и проверьте, как работы идут, а я пока с Кондратом Степановичем побеседую.

Дождавшись, когда все разойдутся, Маргелов предложил деду:

– Присаживайтесь, Кондрат Степанович, посидим на травке, поговорим.

– Не, я постою, а то стар стал, холодно на земле мне.

– Холодно... – улыбнулся Вася, – поэтому и пиджачок подстелили. Крестами на землю...

– А чего им будет? Земля награду не испоганит. А что постелил, так ненадолго, лишь германца дожидаться, а там... – и дед махнул рукой.

– Ясно, – кивнул Вася. – Спасибо за самолет, Кондрат Степанович.

– Не за что, чего уж.

– С чего ты воевать-то задумал, отец?

Лицо деда посерело. Он сгорбился, словно на его плечи нагроулили приличную тяжесть.

– Единой бомбой всех порешило, – опустив лицо, ответил он. – Старуху мою, внуков... Всех, за раз. И хоронить нечего. Вместо дома яма... А тут, – после небольшой паузы продолжил Черных, – военные мимо идут, и все на восток почему-то. Стрелковый батальон на том берегу на следующий день снялся и вниз по реке ушел. Куда? Почему оставили мост на десяток солдат? Почему ушли не навстречу германцу?

Схрон тут недалеко, – неожиданно сменил тему Черных. – Нашел я в прошлом году. Банда тут промышляла, думаю, их это. Ты, сержант, меня спросишь, почему властям ничего не сказал, так ответчу – не смог бы я доказать, что не мое это...

Тихо подошел Самойлов. Маргелов знаками показал – молчи и слушай.

– ...я и решил тогда, пусть лежит, есть-то не просит. А как бомбой этой дом со всеми... – голос деда дрогнул, – так и к схрону я пошел. Достал «максима», один короб с патронами и сюда.

– Чего ж один-то всего? – спросил Самойлов.

– А боле пострелять не успел бы. Германец серьезный вояка. Да и одному с пулеметом не совладать. Поэтому один короб и взял.

Маргелов и Самойлов переглянулись.

– А сколько там коробов? Патронов?

– Лента еще одна только, но патронов достаточно. Винтовок полтора десятка. Револьверов столько же. Керосину три бочки, а что, в хозяйстве сгодится. Консервы были...

– А гранаты? – перебил Вася.

– Чего нет, того нет.

– Жаль... – задумался Маргелов. – А керосину сколько осталось?

– Полбочки, не больше.

– Схрон далеко?

– Рядом почти. Я далеко пулемет не осилил бы тащить.

Глава 4

– К бою!

Команду подал кто-то из отделенных, застав Маргелова в процессе наполнения очередной бутылки горючей жидкостью.

– Куд-да?! – зашипел он на дернувшегoся бойца, державшего стеклотару. – Не мельтеши, успеем залить.

Аккуратно заткнув самодельной пробкой бутылку и поставив ее к товаркам, Вася направился к передней линии окопов. Бойцы уже заняли свои места и теперь тревожно вглядывались вдаль. Дорога просматривалась хорошо и никого пока на ней не видно, вплоть до поворота, а до него километра три.

– Что случилось? – спросил Вася.

– Стреляли, – ответил Самойлов, первым добравшись до окопа. – Вот опять, слышите?

Да, стрельба уже стала отчетливо слышна, и по усиливающемуся звуку и типу очередей можно определить, что стреляют пулеметы и бой быстро приближается.

– Это не наши пулеметы, – пробормотал боец рядом, – звук не тот...

– Тридцать четвертые эмгачи, – пояснил Самойлов.

– И не меньше четырех работает, – прислушиваясь, сказал Черных.

– Хороший слух, Кондрат Степанович, – удивился Маргелов. – Точно четыре?

– Точно, – ответил дед. – Но странно – куда это германцы на ходу так часто лупят?

– Думаю, кто-то из наших, отстреливаясь из трофея, пытается уйти, – предположил Маргелов, – а его преследуют немцы на мотоциклах.

– Очень даже возможно, – кивнул Черных. – Мотоциклы я тоже слышу. О, смотрите!

На далеком повороте появилась черная точка в облаке пыли. Звуки очередей стали еще громче, даже несколько пуль просвистело поверху. Затем еще...

Не хватало еще схлопотать случайную на излете, подумал Маргелов и распорядился:

– Укрыться в окопах. Не высовываться. Себя не демаскировать.

Команды тут же передали по цепочке. Кондрат Степанович быстро удалился к замаскированному «максимуму», а Вася подал несколько условных знаков Уварову на той стороне дороги. Тот кивнул, мол, понял, и скрылся в зарослях. В принципе, ничего менять не нужно. Уже было оговорено, как нейтрализовать немецкий дозор, а тут задачи совпадают – уничтожить мобильную разведку и заодно отбить своих. Отделению Уварова это сделать сподручнее, а подстрахует его Кондрат Степанович, который наотрез отказался уходить, твердо заявив, что бывших пулеметчиков не бывает, а у него, кроме того, очень большой счет к германцу имеется, дополнительно мотивировав, что лучшего пулеметчика нам не найти. Спорить с этим было трудно.

Тем временем уже ясно видно, что первым по дороге во всю прыть своих сорока лошадей несет бортовой ГАЗ-АА, почти перелетая частые ямы, а за ним в пылевом облаке мелькают немецкие мотоциклисты, пытаясь на ухабах стрелять в полуторку.

«Или эти байкогансы крутые профи, – подумал Вася, – и уверены в точности очередей, или водила “газона” им всем подряд так что-то отдал, что им теперь плевать на товарищей, раз по машине лупят одновременно несколько пулеметов».

«Мазила они, – ответил Резеда. – Минимум пять километров они наш ГАЗ преследуют...»

«Или водила страшно везучий».

На счастье везучего водилы, мотоциклы кидало на русских горках дай бог, и попасть по машине страшно трудно, но везение порой кончается.

«Почему наши не стреляют в ответ?» – подумал Резеда.

От первого мотоцикла прогрохотала очередь, полторка вдруг запарила, мотор, и без того нагруженный, взвыл громче и заглох. Машина еще катилась и не доехала до укрывшихся бойцов Уварова совсем немного, но медлить больше нельзя.

Первым отработал «дегтярь», очередь на пять патронов срезав первого мотоциклиста. Тот обвис, а «цундап» вылетел на обочину и опрокинулся. Тяжелая коляска придавила пулеметчика.

Одновременно с «дегтяревым» открыл огонь «максим». Дед тоже уложился в пять патронов, но срезал за раз и водителя и пулеметчика. Последний «цундап» кувыркнулся, теряя убитых, встал на колеса и съехал в обочину, а Кондрат Степанович перенес огонь на следующий, предпоследний мотоцикл и повторил очередь, начав с пулеметчика...

Вместе с пулеметами начали стрелять и бойцы, но бой кончился быстро – не прошло и трети минуты, как живых врагов не осталось. Стало тихо, лишь съехав на обочину и ткнувшись в кусты, «цундап» еще тархтел, вращая задним колесом.

Бойцы начали недоуменно переглядываться.

– Все, что ль? – удивленно спросил Ремизов. – Даже стрельнуть не успел.

– Успеешь еще. Отделенные ко мне!

Подошедшим сержантам Маргелов приказал:

– Собрать трофейное оружие и боеприпасы, осмотреть мотоциклы. Трупы убрать, и вообще, навести порядок на дороге. Маскировку поправить. Самойлов, возьми пару бойцов и со мной к машине.

Полторка остановилась в десяти метрах позади линии окопов. Из нее так никто и не вышел.

«Неужели все погибли?» – заволновался Резеда.

«Сейчас увидим».

На всякий случай взяли грузовик на прицел. Вася знаками показал Самойлову, чтобы с бойцами осмотрел кузов, а сам подошел к двери водителя. Чудом уцелевшее стекло двери было мутно-красным.

Маргелов потянул за ручку и открыл дверцу.

«Ох, ты ж! Да как же так!»

«Везучий... – подумал Вася с горечью, смотря в кабину. – Как же он еще машину вел?»

Тело водителя было изрешечено. Крови натекло...

А на пассажирском сиденье, привалившись к двери, сидел лейтенант НКВД, если судить по петлицам и околышу фуражки. На летехе тоже живого места не было.

– Командир! – позвал Васю мрачный Самойлов.

Маргелов заглянул в кузов. Среди испорченных пулями бумажных коробок, связок с папками и документами в луже крови лежал боец с МГ и пустой лентой. И девушка в гимнастерке, юбке и сапогах. Наган крепко сжат в мертвой руке. Сержант попытался вынуть револьвер, но не смог. Лишь в барабан заглянул.

– Пуст...

– Простите нас, мужики. – И Вася стянул с головы каску.

Наступившую тишину нарушил вскрик. Это из кабины вывалился неожиданно оживший лейтенант.

– Санитара! – крикнул Маргелов, кидаясь к раненому.

Первым делом Вася избавил лейтенанта от оружия.

Во-первых, не разобравшись, тот может открыть огонь, во-вторых, подозрительно – как лейтенант мог уцелеть при такой плотности огня? Нет, чудеса на войне случаются, но бдительности терять нельзя, мало ли, а еще – почему он один в форме НКВД?

– Успокойся, свои. Да свои мы! – крикнул Вася.

Тот перестал размахивать руками и попытался утереть залитое кровью лицо.

– Не суетись, сейчас поможем.

Медпомощь пришлось оказывать лично, так как выяснилось, что санитар погиб при налете «мессера». Осмотрев лейтенанта, нашел только одну рану и то легкую – пуля пропахала борозду над левым ухом. Кровь залила лицо, вот и приняли сначала лейтенанта за убитого.

Вася смыл кровь с лица и начал бинтовать рану, одновременно наблюдая за поведением лейтенанта. Тот успел осмотреться и, не обнаружив никого старше себя званием, вздохнул. Вася даже отметил, что это был вздох облегчения, видно есть чего бояться лейтенанту.

– Назовите себя! – потребовал лейтенант, не дожидаясь окончания процедуры.

«Какой резвый! – изумился про себя Маргелов. – Никак контузило болезного тевтонским свинцом».

Резеда ничего не подумал. После увиденного в кузове он странно затих, вообще никаких мыслей.

– Сержант Резеда, – представился Вася, закрепляя повязку, – командир взвода.

– Что вы тут делаете? – довольно резко спросил лейтенант, поднимаясь.

– А вы, товарищ лейтенант, с какой целью интересуетесь?

– Да ты... – от нахлынувшей злости у лейтенанта даже бледность спала, и он начал шарить рукой, ища кобуру. А она пуста, видать не заметил, как пистолет забрали.

Маргелов проследил за потугами летехи и усмехнулся – ищет кобуру именно там, где она должна быть – на боку.

– Не суетись, лейтенант, твой тэтэ вот, – и Вася продемонстрировал пистолет. – А теперь остынь, назови свою фамилию и представь свое удостоверение. Вот как выясним вашу личность, так и на все вопросы отвечу.

– Ответишь... – процедил летеха. – Эй, сержант, арестуйте его.

Стоящие рядом бойцы просто переглянулись. А Самойлов усмехнулся и, подняв винтовку, направил ее на лейтенанта.

– Документики-то предъявите, товарищ лейтенант.

Лейтенант растерянно оглянулся. Бойцы смотрели настороженно, явно помня о словах сержанта о немецких диверсантах в форме НКВД. Подошел Черных. Внимательно посмотрел на лейтенанта.

На лице у того отразился явный испуг. Затравленно озираясь, он расстегнул карман гимнастерки и, вынув удостоверение, протянул документ Маргелову.

– Вот и славно. – Вася сделал шаг в сторону и принялся изучать документ.

Итак – выдано 19 января 1941 года Денисову Андрею Михайловичу, оперуполномоченному Могилевского отдела... хм, далековато забрался уполномоченный, хотя...

Само удостоверение чуть помято и есть затертости, а скобки... внимательно изучив их со всех сторон, поржавелости все же нашел – с внешней стороны.

Вася взглянул на лейтенанта. Тот смотрел тревожно.

Самойлов заинтересованно поглядывал на Маргелова, как и Черных. Бойцы тоже ждали развязки.

Что ж, поведение лейтенанта вполне объяснимо. Во-первых – адреналин, во-вторых... тоже понятно – в первый раз попал под обстрел, и даже пистолет не достал. Вася успел проверить – все патроны на месте. Вот и объяснение его ершистости – собрался командами сбить с толку окружающих, чтобы скрыть свою трусость. Всякое бывает. Вася тоже в первый свой бой растерялся, и если бы не командир...

– Все в порядке, товарищ лейтенант, – сказал Маргелов, протягивая удостоверение.

Лейтенант выдохнул и чуть улыбнулся. Показалось, что вздох облегчения прозвучал со всех сторон. Для большинства присутствующих эта ситуация выглядела дико. Ведь на вид понятно – наш это. Окончательно разрядил ситуацию подбежавший боец.

– Товарищ сержант, сигнал! – доложил он. – Немцы!

– К бою! – скомандовал Маргелов. – Репин, пакет принеси. «Цундап» подгоните, что на ходу. Самойлов, ты знаешь, что делать, давай, двигай и... особо не геройствуй, Саша, ударил – отошел.

– Сделаем, – улыбнулся сержант.

Обняв напоследок отделенного, Вася повернулся к лейтенанту:

– Лейтенант, вы умеете мотоциклом управлять?

– Да, умею, а зачем?

– Надо пакет командованию доставить.

– Вы забываетесь, сержант! – вновь начал злиться Денисов. – Я что, посыльный? И я не трус, чтоб от боя бежать.

– О трусости речи нет. Тут другое, объяснять времени нет. Вот... – в этот момент Репин принес требуемое, и Вася поставил перед лейтенантом бутылку с огнесмесью, вокруг которой была обернута тетрадь, а сверху проволокой прикручена РГД-33 без осколочной рубашки.

– Что это? – удивленно спросил Денисов.

– Важные разведданные. Очень важные. Их нужно как можно быстрее доставить командованию. А это, – Вася показал на бутылку с гранатой, – гарантия, чтоб к врагу не попало. Еще на словах передай – немцы для диверсий форму НКВД используют. Заметили, как я удостоверение внимательно смотрел? Во-от! Документы, сработанные немцами, ничем не отличаются от наших, за единственным исключением – на подделке используются нержавеющие скобки. Понятно?

Тот кивнул и сразу поинтересовался:

– А вы кто? Для простого сержанта слишком... э-э-э... вы из разжалованных?

– Нет, сержант я, – улыбнулся Вася и добавил: – Позывной «Феникс». Больше ничего не спрашивай.

Отвернувшись от удивленного лейтенанта, Маргелов шагнул к мотоциклу, дернул кик-стартер, и «цундап» послушно затарахтел.

– Садитесь, Андрей Михайлович, и езжайте. Зла не держите – война это. Война! Да! Там сержант Давыдов с двумя десятками бойцов мост восстанавливал, так передайте ему – как беженцев на ту сторону переправит, так пусть рвет мост к чертям собачьим.

* * *

– Не дрефь, мужики, не дрефь! – подбадривал бойцов Вася, двигаясь вдоль окопа. – Надо первые минуты боя перетерпеть, а там про страх свой забудете.

– И помните! – добавлял Черных, идя следом. – За нами бабы и дети. И только от нас зависит их жизнь.

Бойцы хмуро кивали. Никто насчет исхода боя не обольщался. Все понимали, что они скорей всего погибнут. Но то, что за них отомстят, не сомневались. Очень скоро подойдут части Рабоче-крестьянской Красной армии и так ударят, что...

Маргелов слышал эти разговоры и кивал – конечно, ударят и прогонят врага, а там на чужой территории и прочее-прочее. Люди верили в это искренне, и Васе становилось не по себе. Хотелось сказать правду. Но разрушать эту веру он не рискнул. И правильно. В глубине сознания недовольно проворчал Резеда, явно недовольный, и опять умолк.

Судя по приближающемуся гулу, явно идут танки, а против них имеется только десяток гранатных связок и бутылки с огнесмесью. Из остального вооружения – один «максим», один «дегтярев» и четыре трофейных МГ. Боеприпасов для наших пулеметов и винтовок более чем достаточно, благодаря запасам в схроне, единственно что – для «максима» только две ленты. Вот для трофеев мало, немецкий дозор богато пострелял.

– Огонь открывать только по команде! – напомнил Маргелов. – Отделенным проследить.

По плечу хлопнул Черных.

– Я к пулемету.

– Да, давай, и... Кондрат Степанович, ты подумай над моим предложением.

– Я уже говорил... – на ходу зло ответил дед.

«Зря», – подумал Вася. А идея была здравая. Зная, что оккупация продлится долго, то стоило тут создать партизанский отряд, а Черных мог бы его возглавить. Ведь ему хорошо знакомы эти места, и опыта не занимать. После того как Вася с Черных пообщался и понаблюдал за его действиями, примерно определил его бывшее звание – прапорщик. Дед профессионально давал советы по устройству и маскировке позиций, и большая часть его предложений принимались почти без изменений, лишь иногда корректировались Васей, исходя из армейского опыта будущего. Черных и придумал, как исходя из скудости вооружения приготовить больше сюрпризов для германца.

Вдалеке показалась колонна. Возглавляли ее два мотоцикла, следом шел танк, то ли Т-2, то ли вообще «единичка», за танком угадывались пара бронетранспортеров, а следом не разобравшись, что именно – техника сильно пылила, облако поднялось выше сосновых вершин, и каждая последующая машина просматривалась хуже. Хорошо видно лишь танкиста, что торчал из башни танка, и солдат в «ганомагах».

– Вот сволочи, – процедил кто-то из бойцов, – как по проспекту катят.

– Ничто, шас дадим им прикурить!

– Тише! – зашептал отделенный. – Не высовываться!

Следом за бронетранспортерами шли танки. В пыльном разрыве промелькнула башня с кургузым орудием. Это хреново, подумалось Васе. По спине сразу пробежал холодок. В районе таза возникла слабость, и появилось острое желание бежать. Это запаниковал Резеда. И если Маргелов хорошо контролировал чужое тело, то с эмоциями было труднее. Руки начали подрагивать, прошиб пот, и эта чертова слабость внизу. Как бы не оконфузиться...

«Бежать надо, бежать...» – пробилась мысль Резеды.

«Не понял... – удивился Маргелов, – ты чего это, Ярослав Васильевич?»

«А ты не понимаешь? Там же танки. Передают нас. Как мух. Погибнем ни за грош».

«А я о тебе был лучшего мнения, – разозлился Вася, – а ты трус и паникер».

«Ты не понимаешь! И откуда ты можешь знать – каково это перед такой силищей?»

«Знаю! – резко ответил Маргелов. – Я воевал и знаю – что это такое!»

«Что, Советский Союз еще воюет? – язвительно спросил Резеда. – Неужели коммунизм еще не победил?»

«Нет Советского Союза! Развалили его. Такие же трусы, как ты! И полезли наружу разные твари...»

Домысливать Маргелов не стал и так навалил на сержанта «невероятного», что тот вновь ушел вглубь, только чувство страха усилилось и руки еще больше стали вздрагивать.

– Прекрати дрожать! – раздраженно выпалил Вася и понял, что сказал это вслух.

– Извините, товарищ командир... – повинулся Ремизов. – Силища-то какая на нас...

– Ничего, боец, сдюжим. Навалием этим, а потом Берлин возьмем...

Бабахнул разрыв и...

– Началось... – прошептал Маргелов, всматриваясь вперед.

Самойлов поступил правильно – подорвал связкой гранат один из танков в глубине колонны, сразу заблокировав дорогу, одновременно на вражескую технику полетели бутылки с огнесмесью. Вспыхнули и зачадили оба «ганомага», танк и еще что-то дальше, разобрать трудно, так как к пылевому облаку добавился чад горящей техники, от которой с криками ужаса кинулись пылающие вражеские солдаты. Сразу заработали оба трофейных МГ, что были выделены отделению Самойлова. Им вторил частый перестук «мосинок». Мотоциклистов выбили сразу, уцелел только один пулеметчик. Но он геройствовать не стал и затиха-

рился за опрокинутым «цундапом». Уцелевшие немцы высыпали на противоположную сторону дороги и сразу открыли шквальный огонь по правой стороне леса. Пару раз бабахнули из танковых орудий, но разрывы больше навредили немцам, чем отделению Самойлова.

Что говорить, выучку враг показал хорошую, не растерялись – заняли оборону по левой стороне дороги, грамотно контролируя фланги и тыл. Но огня с фланга и тыла по ним никто не вел, и пулеметное прикрытие переключилось на противоположный лес.

Все произошло, как предполагал Черных – немцы вполне предсказуемы. Действуют, как учили.

Маргелов перехватил красноречивый взгляд Ремизова. Ну да, враг как на ладони, тир одним словом, стреляй – не промажешь, но нельзя – рано.

Вася отрицательно качает головой, на всякий случай подкрепляя крепко сжатым кулаком, для лучшего уяснения бойцом текущего момента, и вновь осторожно смотрит сквозь куст на действия немцев. А они под прикрытием пулеметов начали обкладывать отделение Самойлова.

– Только бы не увлекся... – прошептал Вася, вслушиваясь в трескотню перестрелки. Попробуй тут, разбери – какой MG работает, трофей или...

Бой явно смещался влево. Внезапно стрельба оборвалась.

– Не высовываться! – яростно зашептал Маргелов любопытным бойцам. – Второму отделению приготовиться, третьему ждать.

Команду передали по цепочке.

Замысел был прост – имелось шесть хорошо замаскированных окопов, расположенных вдоль дороги в шахматном порядке вплоть до пригорка и начала ложбины. Меж собой они общались скрытыми ходами.

Первое отделение Самойлова завязывает бой и, используя внезапность, уничтожает как можно больше вражеской техники, затем отходит к левому флангу. Второе отделение в первом и самом ближнем окопе открывает огонь после того, как враг накопится в голове колонны, для расчистки пути и помощи раненым, или двинется вдоль дороги.

Третье отделение, находясь во втором, при этом ждет и в бой не вступает, пока первое не отойдет за них.

Четвертое же отделение находится в распадке справа и ждет, пока враг не выдвинется до первых окопов, после чего ударяет им в тыл и сразу отходит, прикрывая фланг.

Все это задумывалось, чтобы как можно дольше морочить немцам голову и сохранить личный состав взвода. Пусть враг долбит туда, где бойцов уже нет, и отвлекается на неожиданные удары.

Впрочем, любой продуманный план хорош до первого выстрела. И пока немцы с легкостью ломали все планы советского командования.

– Посмотрим, – процедил Маргелов.

Где-то в глубине леса слева ударили очередями два эмгача и перестрелка вспыхнула вновь.

– Ага, – обрадовался Вася, – жив, курилка!

Скорей всего Самойлов реализовал совет Черных устроить засаду на отходе, используя ветровал. Лес в этих местах был в основном сосновым с негустым подлеском, но местами заросли густели и встречались поваленные ветром деревья, хорошо подходящие для засад.

Приличная группа немцев скопилась у горящих головных машин и направилась вдоль дороги на перехват отделения Самойлова.

– Вот и нам работа, – пробормотал Маргелов.

Залп второго отделения стал для немцев сюрпризом.

Открыл огонь и Черных, двумя длинными очередями добив тех, кто уцелел. Затем, пока бойцы первого отделения спешно отходили, отстрелял остаток ленты, целя вдоль колонны, и

после чего расчет, быстро сняв «максим», переместился на другую позицию, где оба принялись быстро набивать ленту патронами. Вася со своим трофейным МГ прикрыл их отход.

Бабахнул взрыв на первой линии окопов, затем начался плотный обстрел. Мины рвались, выкашивая кусты и перепахивая землю. Вал разрывов постепенно перемещался вперед. Пришлось покинуть этот окоп и отойти.

Сдвигая чадающую технику и подминая придорожные кусты, вперед выдвинулся танк. За ним появился еще один. У перевернутых мотоциклов танки остановились. Один выстрелил из своей короткой пушки. Снаряд взорвался именно там, где еще минуту назад был Маргелов.

– Вот ведь... – скрипнул зубами Вася. – РПГ бы сюда!

Немцы начали обстрел всех подозрительных мест. Работала минометная батарея и оба танка. Пригибаясь ниже бруствера, появился Самойлов.

– Все! – выдохнул он, бросая трофейный пулемет на дно окопа. – Нет больше отделения. Я да еще двое бойцов, и все! – отделенный помолчал немного. – Но как мы им дали! Два танка и две машины сожгли. Три десятка вражин разом на тот свет отправили. И еще на отходе полтора десятка положили. – Сержант зло пнул МГ. – Заклинил, зараза. Остаток патронов я бойцам оставил. Они там слева немцев встретят. А я за патронами...

Устало привалившись к стене, Самойлов спросил:

– Что же дальше, командир?

– Держаться, сержант, держаться.

Обстрел затих, и танки поползли вперед. Следом за ним двинулись солдаты. И тут во фланг немцам ударил залп отделения Уварова и заработал трофейный МГ. Одновременно полетели бутылки в технику. Но удалось поджечь только один танк, до второго ни одна бутылка не долетела.

Немцы ответили мгновенно – на опушке начали рваться снаряды. Уцелевший танк сдал немного назад и тоже начал обстреливать лес.

Замолчал трофейный МГ. Выстрелы винтовок затихли.

– Неужели все погибли? – Кулаки невольно сжались.

В ответ раздался одиночный выстрел «мосинки». Потом взрыв...

– Вот и мои так... – пробормотал сержант. – Я к своим, командир.

Вася кивнул и дал очередь по появившимся на опушке немцам. С востока пришел грохот разрыва. Маргелов невольно оглянулся и понял – Давыдов подорвал мост. В этот момент рядом бабахнул взрыв. Васю отбросило и сильно приложило об стену окопа.

Пришел в себя почти сразу, огляделся – вокруг убитые. Где-то бил пулемет. От звона в голове не определить – чей. Слышались выстрелы «мосинок», значит, есть еще живые. Еще что-то с лязгом приближалось. Взгляд выхватил полузасыпанные землей бутылки с зажигательной смесью. Подполз и вытянул пару.

– Это есть наш последний и решительный... – пробормотал Вася, приподнимаясь.

На него полз танк. Маргелов поджег фитиль на обеих бутылках, размахнулся и... бутылка вдруг лопнула еще в руке. Пламя мгновенно охватило тело... изнутри вырвался крик боли... сознание вдавило куда-то в глубину... тело рванулось вверх и вперед... боль стала невыносима и... тьма.

* * *

– Гремя... огнем... сверкая... блеском стали, – это было не пение. Шепот пополам с хрипом. Но эти слова из песни просились наружу. Через силу и сквозь зубы. – Пойдут... машины... в яростный... поход, фух!

Черных привалился к сосне, переводя дух. И еще больше сторбился, чтоб раненого не уронить, иначе потом сил не хватит вновь взвалить его на себя.

– И где машины? Где поход? Где соколы наши, а?

В глазах от натуги плыли светлячки, сердце ухало в груди паровым молотом и ноги начали наливать свинцом. Пройти-то осталось всего ничего, а попробуй, сделай шаг...

Застонал раненый.

– Ничо-ничо, – пробормотал дед, часто дыша, – сейчас придем уж, потерпи. Только дух переведу и...

Оттолкнуться от сосны удалось с трудом, и то чуть не упал. Начал спускаться в ложбину. Оступившись на корневище, Черных повалился вперед. Падая, он придержал раненого, стараясь уберечь его, и сам больно ударился боком. Эта боль прорвалась наружу вперемешку с обидой и бессилием...

– С голыми руками... на танки... – зашептал Черных, часто вздрагивая, – мальчишки ведь... не жили еще...

По морщинам побежали слезы, чернея от впитанной пыли и копоти. Седые усы и борода намокли и потемнели.

– А сержант-то как свечка... Господи! – и рука сотворила крестное знамение. – Господи, помяни во Царствии Твоем православных воинов, на брани убиенных, и прими их в небесный чертог Твой, яко мучеников изъязвленных, обогранных своею кровию, яко пострадавших за отечество...

Частый перестук выстрелов насторожил. Черных всхлипнул последний раз и посмотрел в ту сторону. Нет, это не перестрелка. Немцы раненых добивают. Или в трупы от злости палят. С них станется...

– Сволочи... – с ненавистью процедил Кондрат Степанович. – Сволочи! Сволочи!

Еще выстрелы, уже ближе. Надо спешить – немцы начали прочесывать лес.

Злость придала сил. Взвалив бойца на себя, дед дотащил его до схрона, бережно положил на землю, затем приподнял створ, закрепил его упором, после чего подхватив раненого под руки, затащил внутрь.

– Вот и добрались... – сказал Черных, беззвучно закрывая створ. – Тут они нас не найдут.

Он и сам этот схрон не нашел бы, если б не оступился и не упал в неглубокую впадинку рядом с кустом орешника. Кто-то очень постарался, строя это укрытие, в которое прятали оружие, боеприпасы и продукты. Правда, продуктов давно нет. Остались винтовки, револьверы и патроны к ним.

Кондрат Степанович пристроил бойца на расстеленном тряпье, сам бессильно привалился к ящикам и с минуты сидел, пялясь в полутьме на закрытый выход. Потом спохватился – из ящика справа достал два нагана, оттуда же хватанул патронов, сколько в руку попало, и принялся заряжать револьверы. Рядом шевельнулся боец.

– Где я? – прохрипел он.

– В схроне, сынок, в схроне.

– А...

– Тс-с-с... – приложил палец к губам дед, затем ткнул им вверх и прошептал: – Немцы. Потерпи, парень.

После чего направил оба револьвера на выход и принялся ждать.

* * *

Вася слетел с кушетки и начал стряхивать с себя пламя и не сразу понял, что огонь только кажется.

– Вот... напасть... – пробормотал он. – Где это я?

По лицу тек пот, затекая в глаза. Вытерев лицо он, наконец, смог осмотреться. Но сразу ничего разглядеть не смог – в глазах двоилось, и голова шла кругом. Посидев немного с закрытыми глазами, вновь осмотрелся.

– Дома! – выдохнул Вася.

В лаборатории стояла тишина и царил сумрак. Перед светящимся монитором разглядел дремавшего Пашу. А Жуков где? И сколько времени? Разглядеть стрелки на настенных часах не удалось.

Маргелов с трудом поднялся, но сделав шаг, рухнул на пол.

– Что это со мной? – пробормотал Вася. – Как после ранения...

Тело отказывалось повиноваться, словно отвыкло от своего хозяина, онемев от макушки до кончиков пальцев. Маргелов принялся массировать руки, затем перешел на тело и чуть не взвыл. Бока отозвались жжением. Тихо матерясь, Вася задрал футболку, но ничего не разглядел.

С трудом поднялся, доковылял, борясь с головокружением, до выключателя и включил свет.

– А? – встрепенулся Свешников, мелко заморгал и, разглядев кто перед ним, подскочил. – Вася?

– Вася-Вася, кто ж еще... – прохрипел Маргелов. – Серега где?

– За продуктами поехал. Надо же чего пожевать-то. Скоро должен вернуться. Мы решили на ночь тут остаться и продолжить эксперименты. Твоим родителям мы звонили, сказали – что ночевать не приедешь.

– Ясно. А сколько времени?

– Полпервого ночи, – глянув на часы, ответил Паша.

– Ого! – Маргелов дошел до кресла и рухнул в него. – Долго я там...

– Как себя чувствуешь?

– Хреново, Паш, хреново. Как еще можно чувствовать себя после смерти? Пусть и чужой...

– Понимаю... – вздохнул Паша, – сам через это прошел. Но скажи, у тебя вышло?

– Вышло, – кивнул Вася, – удачно летеха из НКВД подвернулся, все сведения с ним передал. Вот доставил ли он пакет до командования?

– Бой был?

– Был. Я вновь в сержанта попал, да погиб в конце зазря. Хотел танк сжечь, да немцы на замахе бутылку с горючкой пулями разбили. Сволочи! Сгорел заживо. Хоть сержант и трус был, но такой смерти... – и, задрав футболку, Вася начал рассматривать свое тело. – Ощущение, как кипятком обварился, но жжет не сильно...

– Думаю, это фантомные боли, – сказал Паша. – Должно пройти. Ты записать фамилию погибшего не забудь.

– Да, кстати! Дай тетрадь, тут много фамилий надо записать. Целый взвод. А пока пишу, глянь, есть чего по боям у деревни Багута, что на реке Усяжа стоит.

– Ничего нет, – через минуту сообщил Свешников. – Даже близко похожего нет.

– Тогда попробуй найти что-нибудь про Денисова Андрея Михайловича. Это тот лейтенант НКВД. Даты рождения не знаю, известна только дата выдачи ксивы – 19 января 1941 года. С этим Свешников возился дольше, но тоже отрицательно покачал головой.

– Денисовых много, – сообщил Паша, – но с НКВД они или нет, поди разбери. Дай-ка тетрадь.

Свешников начал просматривать записанные фамилии.

– Самойлов, – прочитал Паша. – Погоди, где-то я уже встречал эту фамилию, причем не раз.

Свешников начал просматривать историю посещений.

– Так, не то... это тоже... ага, вот. Тут я список Героев Советского Союза скачал, там есть Самойлов, и тоже Александр Васильевич, но не тот скорей всего. Еще когда воспоминания ветеранов просматривал, думал, полезного чего найду, так одно интервью посмотрел. Вот.

Свешников запустил воспроизведение, и в этот момент мобила Паши завибрировала.

– О, вот и Серега. – Паша нажал ответ. – Да, Серег, ага, сейчас встречу. Вася? Уже очнулся... бегу. – Свешников шагнул к выходу. – Ты ролик посмотри пока, а я пойду Серегу запущу.

На экране возникает надпись – «Интервью Героя Советского Союза гвардии полковника Самойлова Александра Васильевича». Маргелов вгляделся в лицо ветерана и замер, глядя в экран. Неужели...

– Александр Васильевич, а вам бывало страшно?

– Конечно, бывало. Особенно страшно было в первый бой.

– Расскажите о нем.

– Мне часто вспоминается первый бой. Наш взвод держал оборону на рубеже реки Усяжа недалеко от деревни Багута. Наш лейтенант погиб первым при налете вражеской авиации, и командование принял его зам – сержант Резеда Ярослав Васильевич. Грамотный был сержант. И я никогда не забуду его слов – главное в первые минуты себя пересилить, свой страх переступить, потом никакой огонь вражеский не испугает. Так и было. Не боялись против танков с одними бутылками с зажигательной смесью выходить. Знали – что погибнем, но шли на смерть. Шли...

А сержант наш... На него танк полз. Гранат нет, только бутылки с зажигательной смесью, когда он замахнулся, пулей бутылку разбило и сержанта охватило огнем, так он кинулся к танку и об него вторую бутылку разбил. Погиб, но вражеский танк сжег. Вот так. Я рассказывал об этом бое командованию. Обо всех ребятах, геройски погибших. Но награждать посмертно их не стали. Тогда не до этого было. А сейчас наш долг помнить о погибших героях. Всех, о ком неизвестно.

– А дальше?

– Немцы тогда нас почти к опушке прижали. Четверых, уже раненых, на нас танки идут, а у нас лишь пулемет «максим» с последними патронами... потом взрыв...

Вьнес меня Кондрат Степанович Черных. На себе вытащил. Тот же человек с большой буквы. Он еще в Первую мировую немцев бил. Пулеметчик от Бога! Он еще до прибытия взвода на рубеж пулеметную точку оборудовал. И тоже принял участие в том бою. И когда его «максим» раскурочило взрывом, меня раненого вьнес и укрыл. Потом он создал партизанский отряд, из местных жителей и окруженцев, что пробирались на восток.

– Постойте, это тот самый «Товарищ Кондратий»?

– Да-да, тот самый. Немцы его называли Шварцекондрат.

Командовал товарищ Кондратий отрядом до самого уничтожения в 1943 году. Немцы тогда бросили против отряда целый полк. Это против всего сотни бойцов. Сотни! Кондрат Степанович погиб, прикрывая отходивших товарищей. Я тогда уже на Большой земле был. Эвакуировали, после тяжелого ранения...

Глава 5

Генерал-майор навис над столом, задумчиво рассматривая расстеленную карту. Обстановка в последнее время запуталась окончательно. Сведения устаревали, не успев дойти до штабов.

Связь как таковая отсутствовала. И со штабами полков. С командованием тоже. Дивизионная радиостанция попала под удар вражеской авиации еще на марше, а заменить ее нечем.

Последний полученный приказ – отходить к Свислочи и прикрывать отход десятой армии выполнили, но потеряли при этом до тридцати процентов личного состава, так как по пути подверглись массовой бомбардировке. Погиб почти весь состав штаба, включая комиссара и начальника тыла.

Чтобы прояснить обстановку, послали несколько разведгрупп по разным направлениям. Результаты разведки не радовали. По сведениям вокруг дивизии сосредоточились большие силы противника. Дивизия практически была в окружении. Правда, некоторые сведения противоречили друг другу.

– Васильев!

Из соседней комнаты появился лейтенант-связист.

– Я, товарищ генерал!

– Связь с 53-м есть?

– Нет, товарищ генерал. Только наладили, тут же пропала. Связистов уже послали.

Генерал вновь смотрит на карту. Чехарда со связью раздражала. Связи с 53-м артиллерийским полком нет уже три часа, не говоря о связи с командованием армии.

Входит капитан Перепелкин, командир разведроты.

– Товарищ генерал, данные разведки.

– Докладывай.

Капитан склонился над картой и начал доклад, показывая точки на карте.

– Вот тут стоял третий батальон 345-го полка. Так там нас огнем встретили. Немцы, значит, уже стоят. Вот здесь стоят танки, а тут видели немецких мотоциклистов...

Генерал отметил эти сведения на карте, затем, приподняв ее край, достал тетрадь. Перелистнув пару листов, пробежался глазами по строкам, нашел искомое, нахмурился.

– Смирнов! – крикнул он в соседнюю комнату. Появившемуся на зов лейтенанту приказал: – Где этот студент? Веди его сюда. – Затем повернулся к капитану. – А ты, Геннадий Петрович, поприсутствуй. Сейчас типа одного приведут. Послушаем вместе, интересные вещи рассказывает.

– Что за тип?

– Появился тут с утра. Передал мне тетрадь, а в ней «ценные сведения». Меня по имени-отчеству знает, а у самого документов нет. Назвался Маевским Михаилом Карловичем, студентом московского мединститута.

– Студент из Москвы? Тут?

– Ну, допустим, проверить его слова можно. Если помнишь, у нас медслужбу Павлов возглавляет, а он как раз из этого института к нам пришел.

– Так его сюда бы вызвать...

– Потом. Немцы утром отбомбились аккурат по санбату.

– Как это? – удивился капитан. – Там же на всех палатках красный крест нарисован!

– А вот так! Много персонала погибло. Павлов зашивается. От стола уже сутки не отходит.

– М-да... как же так!

– Вот так, – вздохнул генерал, – вот так! Однако сведения у студента таковы, что жуть берет. Он знает все наши передвижения за неделю, начиная с двадцать второго числа. Расстановку сил, как наших, так и противника. Имена немецких командующих полков, дивизий и корпусов, точное их расположение по датам и местам, количество личного состава и техники. Вот, например...

Генерал провел пальцем по строкам, нашел искомое.

– Против 132-го стрелкового полка действует 162-я пехотная дивизия противника, командующий генерал-лейтенант Герман Франке. Состав – три пехотных полка, один артиллерийский полк, противотанковый батальон, саперный батальон и батальон связи.

– Разрешите? – и капитан показал на тетрадь. После утвердительного кивка он быстро просмотрел записи, после чего удивленно взглянул на генерала.

– Есть какие мысли?

– Разведчик? – предположил Перепелкин.

– Не похож. Слишком молод. Думаю – действительно студент, но вот откуда сведения?

Открылась дверь, и лейтенант доложил:

– Маевский доставлен.

– Давай его сюда.

Вошел молодой парень в светлой безрукавке, темных штанах и туфлях. Среднего роста, худой, волосы темные. Особо выделялся нос с горбинкой вкупе с глубоко посаженными глазами. В руках он держал довольно толстую тетрадь. Она привлекла внимание не только генерала. Капитан Перепелкин покосился на тетрадь и выразительно посмотрел на генерала. Тот кивнул и повернулся к парню.

– Проходи. Присаживайся.

– Спасибо, товарищ генерал-майор.

Маевский прошел и сел на стул у стены.

– Давай без чинов. Меня зовут... – генерал запнулся, взглянул на студента, – впрочем, ты знаешь. Ты Михаил Карлович Маевский. Так?

Парень кивнул.

– Значит, так, Михаил. Откуда у тебя эти сведения?

– Все подтвердилось?

– Все.

– И у вас есть вопросы. Причем особенно – как я узнал то, что произойдет сегодня, находясь под вашим присмотром?

– В том числе.

Студент сделал глубокий вдох и начал говорить:

– Сведения, представленные вам первоначально, касались только вашей дивизии и по времени были только до сегодняшнего числа, то есть двадцать седьмого июня включительно. Я намеренно дал не совсем полные сведения, известные мне, лишь для того, чтобы имелась возможность проверить их. И поверить в остальное. Тут, – Маевский показал на тетрадь, – записаны данные, которые имеют гриф «совершенно секретно». Их необходимо доставить командованию как можно быстрее. К противнику они попасть ни в коем случае не должны.

Генерал с капитаном удивленно переглянулись.

– На первых трех страницах все, что касается вашей дивизии вплоть до 30 июня, – продолжал вещать студент. – Далее данные по всем фронтам о направлениях немецких ударов, с номерами подразделений, командным составом и количеством людей и техники. Десять последних страниц тетради к боевым действиям не относятся, но они тоже особо важны. Там отражена технология производства необходимого лекарства, которое может спасти множество жизней.

Маевский замолчал, поднялся, подошел к генералу и протянул тетрадь, после чего вернулся, сел на стул, как-то сразу поникнув. Вытер выступивший пот.

– Я прошу поверить мне, – сказал он тихо. – Это очень важно. Очень. Не спрашивайте источник этих сведений. Сказать не смогу, да и... с ума скоро сойду, – последнюю фразу студент прошептал, и генерал с капитаном ее не расслышали. Оба внимательно просматривали содержание тетради.

По мере прочтения у обоих менялось выражение лиц. Генерал больше хмурился и мрачнел, а капитан постепенно багровел, зло поглядывая на студента.

– А не шпион ли ты? – сквозь зубы процедил Перепелкин. – Выходит, немцы уже Минск окружили...

– Успокойся, – вздохнул генерал, – ты многого не знаешь. Смирнов!

В комнату вошел лейтенант.

– Проводи товарища студента, пусть у связистов пока посидит, и организуй ему поесть чего. Да, Васильева ко мне вызови.

– Есть! – Лейтенант пропустил студента вперед и вышел следом.

– Я много чего не знаю, – сказал капитан, – однако как можно знать то, что случится через несколько дней? И откуда этот... студент столько знает о противнике?

– А ты на подпись внимание обратил?

– Феникс? Ну, обратил и что?

– Не все так просто. Встречался мне уже этот позывной. Насчет направления ударов немцев – это уже было в «майских играх»²... черт возьми! Так что... – генерал взглянул на карту, – если взять те доклады, кои поначалу приняли за дезинформацию, приложить к ним твои разведанные, учесть всю сложившуюся обстановку, то все совпадает с данными, изложенными в этой тетради. И все становится понятным. Нет, не все, – поправился генерал, взглянув на капитана, – но многое. Что, например, означает запись – Ярцево 11.08.1941? Там что-то произойдет? Не зря эта дата и населенный пункт записан в первых трех листах, относящихся к нашей дивизии.

– Так у студента и спросить.

– Спросим, а пока собирай людей, капитан, и ставь задачу – установить связь с полками. Одну группу направишь в штаб десятой. Донесение я составлю. Еще надо комиссара Серебровского найти и вместе с ним Маевского с тетрадью в Москву переправлять.

– Я бы студента к Павлову сначала сводил.

– Для проверки? Хм, своди, пожалуй, не помешает. И там его пока оставь, раз студентом-медиком назвался. Пусть помогает по мере сил, а Валерий Семенович за ним присмотрит. Так и поступим, веди студента в медбат. И бойца потолковой к нему приставь.

– Людей мало, товарищ генерал.

– Знаю, но найди! – стукнул по столу кулаком комдив. – Все, выполняй поставленную задачу.

* * *

– Сядь здесь и жди, сейчас что-нибудь тебе поесть найду.

Лейтенант вышел, а Михаил сел на лавку и устало привалился к стене. Напряжение, державшее его последние полчаса, начало отступать. Сомнения все еще грызли, но по поведению генерала – ему поверили.

---

² Майские игры – стратегическая штабная игра, проведенная в 20-х числах мая 1941 года Генштабом Красной Армии, в которой события начального периода войны практически совпадают с хронологией событий оперативной игры.

«А я говорил – делай, как велют, и поверят! – возник голос в голове. – Все еще сомневаешься?»

– Сомневаюсь, – буркнул Михаил.

– Что? – спросил сержант, который старательно что-то записывал.

– А? Нет, ничего...

«Отвечай мысленно, болван, – отругал Мишу голос, – а то действительно подумают, что ты сумасшедший».

«А не похоже? – огрызнулся Маевский. – Никогда бы не подумал, что такое со мной случится! Ну почему я на хирурга пошел, а не на психиатра?»

«И что, помогло бы?» – усмехнулся голос.

«Не знаю, – признал Михаил. – Но день точно безумный».

Да, день был сплошное безумие. Все началось около девяти часов утра, когда Михаил миновал мост, где у него проверили документы охраняющие мост красноармейцы. После чего он решил немного отдохнуть и присел у крайнего сруба. Ноги после нескольких часов перехода гудели, и Михаил решил подождать кого-нибудь в компанию, и лучше, чтоб присутствовал транспорт. Та телега, которую он видел впереди, у моста не задержалась и теперь ее точно не догнать. Пока можно перекусить, а то с утра ничего не ел. Только Михаил достал сверток с салом, как послышался звук мотора. Чтобы посмотреть, кто едет, пришлось выглянуть за угол. Это с запада к мосту подъехала полуторка с дюжиной красноармейцев в кузове. Маевский тяжело вздохнул – тут ему не светило. Военные его точно не возьмут, можно даже и не спрашивать.

От частых выстрелов Маевский подскочил, выронив сало, и сунулся посмотреть – что происходит. От увиденного оторопел. Приехавшие красноармейцы расстреливали бойцов из охраны моста. На его глазах застрелили кинувшегося к лесу паренька, что крутился возле бойцов. Тот, кто стрелял в пацана, внимательно посмотрел вдоль дороги, и Михаил шарахнулся назад. Запнулся о слегу и сильно приложился затылком о край сруба. Сознание померкло только на мгновение. Маевский медленно поднялся, держась за голову.

«Так-так, что тут происходит?»

Голос прозвучал так явственно, что Михаил опять подпрыгнул.

– Кто здесь? – прошептал Маевский, оглядываясь.

«Ангел-хранитель, – хмыкнул голос, – если, конечно, будешь меня слушать».

– Видно, сильно я головой приложился, – решил он.

Кто-то закричал у моста, и Михаил решил посмотреть.

«Красноармейцы» убирали прочь тела, а четверо окружили каких-то гражданских, на свою беду оказавшихся неподалеку. Что там они говорили, было плохо слышно, получилось разобрать только – жида. После чего гражданских грубо оттолкали к берегу и пристрелили.

– За что... – прошептал Маевский, бледнея, – за что...

«За то, что евреи, – прозвучал голос, – и за то, что оказались неподалеку».

Михаила передернуло. Ноги ослабли, выступил холодный пот. Что делать, он не знал.

«Беги, дурень! Это „бранденбурги“, диверсанты немецкие. Шлепнут тебя и не поморщатся».

– Потому что я тоже еврей?

«Потому что ты тупой! Шлепнут потому, что ты их видел. Беги!»

Михаил кинулся вдоль дороги.

«В лес, дурень! В лес беги!»

– Эй, парень, спишь, что ли?

Михаил открыл глаза и увидел лейтенанта с котелком.

– Вот, лучше еды не найдешь.

– Что это? – спросил Маевский, глядя на что-то зеленоватое и густое, но очень вкусно пахнущее.

– Щи это. Зеленые, вчерашние, в печи томленные. Ум отъешь.

– Спасибо.

Лейтенант ушел, оставив котелок с ложкой и ломтем хлеба, а Михаил еще раз понюхал варево. Пахло от котелка умопомрачительно, аж в животе засосало, ведь он сегодня лишь немного хлеба съел, когда его в сарае заперли. Больше ничего из еды не имелось, так как сало Маевский выронил еще у реки, когда убегал от переодетых в красноармейцев немецких диверсантов, «бранденбургов», как назвал их этот ангел-доппельгенгер.

«Вообще-то я скорее альтер эго, – тут же отозвался голос, – но в чем-то ты прав».

«В чем прав? В том, что ты темная сторона личности, и я должен скоро погибнуть?»

«Хм, – почему-то смутился голос, – почему темная, разве я жизнь тебе не спас?»

«Ты на вопрос не ответил!» – возмутился Михаил, даже ложкой взмахнул.

«Все там будем, – философски ответил голос, – ты кушай, а как насытишься, так на вопросы и отвечу».

«А во время еды нельзя? – спросил Маевский, запуская ложку в котелок. – Все равно разговор у нас мысленный».

«Никак нельзя. Ты еще голоден, а значит больше зол, чем добр, и на сытый желудок адекватней будешь. И то, что я тебе скажу, точно не понравится».

«Посмотрим... – ответил Михаил и, чуть подув на варево, положил его в рот. – М-м-м, с ума сойти! Это же амброзия!»

«Ага, на голодный желудок все съедобное амброзия! – согласился голос. – Однако зеленые щи действительно вкусны».

«Это ты виноват, что я сегодня ничего не ел, – буркнул Маевский. – До сих пор не могу понять, как ты смог меня убедить поменять целую банку тушенки на пару тетрадей и карандаш».

«Пришлось, извини, но такую возможность упускать нельзя. А селяне просто так ничего тебе не дали бы. И то, что ты записал, стоит того».

«Это по реакции Степанова было видно. Кстати, а что означает – Ярцево и дата?»

«Это касается только генерала, – ответил голос и после непродолжительного молчания, добавил: – Это дата и место его смерти».

Ложка замерла на полпути.

«Я знаю – кто ты!» – заявил Маевский, глотая порцию щей.

«И кто же?»

«Дух! Человек, умерший когда-то. Только духи знают будущее».

Михаил невольно хихикнул, не сразу поняв, что это не его реакция, а альтер эго.

«Да? – весело спросил голос. – И чей же я дух?»

«Ну... – задумался Михаил, – бабушка Достоевского вызывала Грибоедова...»

«И Наполеона тоже, – хмыкнул голос. – Да, я знаю будущее, но я не дух».

«А кто же еще?»

«Это сложно объяснить, я такой же человек, как и ты, но в данный момент я разумная система полей. Временно, конечно».

Михаил даже жевать перестал. Замер, открыв рот от изумления.

«А это возможно?» – наконец мысленно спросил он.

«Возможно. С помощью специальных электронных машин, – пояснил голос. – Я из будущего».

«Из будущего... – потрясенно повторил Маевский, – а я думал, что сошел с ума и у меня раздвоение личности».

«Кстати, я почти все о тебе знаю, а ты обо мне нет. Так что будем знакомы – меня зовут Свешников Павел Анатольевич, мне двадцать три года, учусь на физфаке».

«А...» – но спросить Михаил не успел, в комнату вошел капитан Перепелкин и недобро уставился на студента. Отчего тот даже поежился.

– Поел? – наконец спросил он.

– Да, спасибо. – Маевский положил котелок и ложку на стол.

– Тогда пошли, – усмехнулся капитан, – шпион, мать твою...

Глава 6

Тропа петляла по березовой роще. Если бы не отчетливо слышимая канонада, то можно подумать, что никакой войны нет. Михаил прислушался и понял, что грохот канонады стал ближе, а еще в обед отзвук был еле слышен.

«Бесполезно все», – подумал Маевский.

«А ты думал, что все сразу поменяется? – спросил гость. – Нет, так не бывает. Конечно, меры примут, если поверят, и даже будет какой-то успех, локальный. Но будут последствия. Немцы могут мгновенно изменить направление ударов, а наши не в состоянии оперативно реагировать на быстрое изменение обстановки».

«Ну ты...» – возмутился Маевский.

«Не дури! – прервал гость. – Ты думал – малой кровью, на чужой территории? А помнишь, что в тетрадь записывал? А когда в штабе сидел, что про связь говорили, слышал? Ее нет. Проводная постоянно нарушается. Пока связисты ищут обрыв, все донесения через посыльных. Пока сведения доставят... а у немцев радиостанции имеются на каждом самолете, на каждом танке. А у наших? Дай бог на командирских машинах стоят и не факт, что имеют качественную связь. Танкисты, вон, вообще флажками машут. И еще, ты хотел знать – как дальше будет? Так вот, Питер, то есть Ленинград, восьмого сентября в блокаде будет, а уже в октябре немцы до Москвы дойдут...»

Михаил чуть не споткнулся.

«Как до Москвы?»

– Эй, ты чего? – обернулся капитан.

– Канонада, – нашелся Маевский. – Она приблизилась.

– Приблизилась, – буркнул Перепелкин.

– Они же южнее должны ударить, – пробормотал Михаил, вспоминая сведения.

– Что? – не расслышал капитан. – Ты вот что, не дури, бежать не советую. Не верю я тебе, не верю.

– Незачем мне бежать, – пожал плечами Михаил. – И не шпион я. Если к немцам попаду, то они меня просто убьют.

– Это почему?

– Евреев они очень не любят. А я наполовину. По отцу, и внешне весь в него пошел.

– Откуда про то знаешь?

– Видел. Там, у моста, я рассказывал.

– Это которые... э-э-э... «бранденбурги»?

– Да, «Бранденбург-800». Там еврейская семья поблизости оказалась, так немцы их сразу к берегу и расстреляли.

– Ладно, учтем, пошли быстрее.

Они перешли через ручей по узкому мостику.

«Павел, – впервые назвал гостя по имени, – Павел, скажи – немцы победили? Поэтому ты... то есть вы сделали эту машину времени?»

«Нет. Победили мы. В конце апреля сорок пятого наши взяли Берлин, в начале мая немцы подписали капитуляцию. Девятого мая мы празднуем день Победы!»

Михаил даже облегченно вздохнул.

«Но до этого великого дня четыре года тяжелой войны, – скорбно добавил Павел. – И двадцать два миллиона погибших».

«Двадцать два! – чуть не выкрикнул Маевский. – И вы решили... помочь?»

«Да! И переданные мной сведения лишь малая толика. Ведь в наше время известно практически обо всем. Чего стоит раскрыть все планы немцев?»

«Тогда почему ты передал сведения только на несколько дней?»

«Есть несколько причин. Первое – на память я не жалею, однако запомнить все не реально. Второе – медленное реагирование нашего командования на изменение обстановки. Третье – неумение правильно концентрировать силы в ключевых местах, еще логистика практически никакая. И последнее, то есть четвертое – противодействие вызовет изменения в планах ударов, тогда многое из переданного станет бесполезным».

Тропа, петляющая по роще, вывела на обширную поляну, и Михаил вздрогнул. Открылось жуткое зрелище. Исковерканная воронками земля. Обгорелые остовы машин. Еще дымящееся тряпье. И запах крови.

– Сволочи! – скрипнул зубами Перепелкин. – Сволочи! Видели же, что красный крест бомбят.

Смотреть на этот ужас не хотелось, и Михаил невольно отвернулся. Взгляд наткнулся на сложенных рядком погибших. Рядом двое бойцов копали общую могилу.

– Как же так?!

«Им плевать на красный крест. Эта война идет на уничтожение. Про количество погибших я уже говорил».

– Пойдем, – сказал капитан. – Вон уцелевшие палатки стоят.

Две большие палатки с красными крестами стояли в глубине рощи. На брезентовые крыши были набросаны ветки, очевидно для маскировки. За палатками виднелась дюжина телег, на которые грузили раненых, очевидно для отправки в тыл. А раненых было много. Они сидели и лежали под тенью берез. Михаил был в подавленном состоянии и не сразу понял, что за шум примешался к грохоту канонады. Это был стон раненых.

Когда подходили к палатке, из нее вышел врач в забрызганном кровью халате, устало привалился к березе и закурил, смотря перед собой.

– Здравия желаю, товарищ военврач!

Врач поднял голову.

– Здравствуйте, товарищ ка... – в этот момент его взгляд остановился на спутнике капитана и глаза врача округлились. – Миша?!

* * *

– Зажим. Еще зажим...

Хирург ловко перехватывает кровотокающие сосуды. Затем поданным скальпелем рассекает ткань, и кровь начинает быстро заполнять раневой канал.

– Тампоны.

И Михаил корнцангом³, часто меняя тампоны, чистит рану от выступившей крови.

– Ранорасширитель.

Валерий Семенович разводит края раны.

– Вижу его. Тампон и пулевку⁴.

Осколок находится почти у самого сердца. Повезло бойцу, всего сантиметр не дошел.

Эта операция третья по счету, где хирургу ассистирует Михаил. Остальной персонал... к сожалению, после немецкого авиаудара по медсанбату уцелела лишь операционная бригада, и то неполная, то есть хирург, медсестра и пятеро санитаров⁵. Впрочем, имелся еще санитар-

---

³ *Корнцанг* – хирургический инструмент (разновидность зажима) с рабочими частями, имеющими форму зерен. Предназначен для введения тампона в глубокую рану, проводки дренажа через длинный узкий канал, извлечения из глубоких раневых каналов инородных предметов, подачи перевязочного материала и хирургических инструментов.

⁴ *Пулевки (жаргон.)*, или *пулевые щипцы* – хирургический инструмент, относящийся к группе инструментов для фиксации и экспозиции тканей, а также для изъятия инородных предметов.

⁵ Операционная бригада состояла из хирурга, ассистента, операционной сестры, наркотизатора-регистратора и нескольких

ный взвод, но он занимался эвакуацией раненых с переднего края в медбатальон, из которого пришлось забрать фельдшера – Валентину Сергеевну Кошкину.

Теперь медики работали на износ, так как и подменить некем, и отдохнуть некогда. Командующий обещал помощь, но в это верилось с трудом. По информации «гостя», немцы давят активно, раненые поступают постоянно, и вряд ли у других медчастей найдутся свободные врачи и фельдшера. Разве что мобилизовать местное население в помощь.

Кровь тампонами удалена, и врач осторожно вводит щечки зажима в рану, захватывает кусочек рваного металла, чуть-чуть поворачивает, и вот осколок удален, напоследок звякнув в металлической чашке.

– Осталось зашить, – устало произносит Павлов. – Давай, Михаил, только не спеши.

Маевский заправил нить в иглу, зажал ее в браншах иглодержателя, свел края раны и начал накладывать швы, а хирург внимательно следил, одобрительно кивая.

На соседнем столе тоже идет операция. Военфельдшер Кошкина удаляла пулю из бедра раненого. Ассистировала ей молодая медсестра, эстонка Вилма Меримаа со смешным акцентом, светлыми прямыми волосами, собранными в пучок, и очень красивым лицом. А глаза у девушки...

У Михаила внутри неожиданно потеплело, причем лавинообразно. И очень захотелось взглянуть на девушку. Он не сразу сообразил – чувство не его, а «гостя».

«Не отвлекай. Я занят».

«Не могу я уже на кровищу смотреть, – буркнул Паша, – лучше на нее».

«Не забывай, операция идет, – ответил Маевский, накладывая последний шов. – И не вмешивайся».

«Ладно, потерплю. И... я, наверно, влюбился».

«Как вовремя!»

И Михаил невольно усмехнулся.

– Что? – спросил Павлов.

– Ничего, Валерий Семенович, закончил.

– Хорошо. Теперь наложи повязку. Я помогу.

Через пять минут хирург позвал санитаров и распорядился отнести раненого, после чего сказал Маевскому:

– Пойдем, Миша, подышим.

Михаил был не против, тем более что дико устал, однако старался вида не подавать. Снимать передник он не стал, только, как Павлов, стащил с рук перчатки и вышел наружу.

– Это хорошо, что боец без сознания был, – сказал хирург, закуривая.

– Да, – согласился Миша. – А что, обезболивающего совсем не осталось?

– Совсем, – ответил врач и облокотился на дерево. – Скоро и перевязывать нечем будет.

Михаил вздохнул и тоже собрался прислониться к березе, но отпрянул, ощутив резкую боль в предплечье.

– Что?! – встрепенулся Павлов.

– Укололо что-то, – ответил Маевский, потирая маленькую ранку. Кровь выступила, но немного.

– Надо обработать, – озабочился Валерий Семенович. – Еще заражения не хватало.

После чего они одновременно посмотрели на дерево, сразу обнаружив причину – в стволе торчал осколок. Часть его выступала на пару сантиметров и была очень остра.

– Наверно, после того налета, – предположил Павлов. – Надо же, я тут часто курю и не замечал.

Маевский потрогал металл и сказал задумчиво:

– Тоже рана.

– Не смертельная. Ты мне скажи, Миша, откуда ты все взял?

– Что?

– То, что в тетрадь записал. Капитан мне всего не показал, но про *penicillium* спросил.

Это ведь лекарство, как я понял.

– А что вы капитану ответили?

– Так и ответил – лекарство.

– Это очень хорошее лекарство, Валерий Семенович и... – неожиданно Миша поперхнулся, – больше я ничего добавить не могу. Извините.

После чего Маевский мысленно выругался. «Я же просил не вмешиваться!»

«Не вмешайся я, пришлось бы многое объяснять, а это нежелательно».

– Не можешь... – Павлов выдохнул дымом, – ладно. А почему ты институт бросил?

– Я не бросал, Валерий Семенович, – посмурнел Маевский, – меня отчислили.

– Как?! – выдохнул врач. На его лице даже усталость пропала.

– Как сына врага народа, Валерий Семенович, – со злостью ответил Михаил.

– Не верю... – пробормотал Павлов. – Я же хорошо знаю твоего отца.

Отбросив папиросу, врач торопливо достал пачку, вытряхнул новую папиросу, постучал ею об картонку и вставил в рот. Прикурил.

– Давай-ка, Миша, – после долгой паузы произнес Павлов, – расскажи все с начала.

– За отцом пришли первого июня вечером. Забрали, даже не дав собрать вещи. Просто увезли и все. Я ездил в наркомат, спрашивал, но мне ничего там не сказали. В институте от меня начали шарахаться. Все друзья отвернулись. Я как в вакууме оказался. Третьего июня на комсомольском поставили вопрос об исключении меня из комсомола. И все проголосовали единогласно. Единогласно! – выкрикнул Михаил. – Понимаете?!

– И исключили по той же причине? – тихо спросил Павлов.

Маевский кивнул.

– И никто не вступился? И всем плевать, что ты шел на красный диплом?

– Спасокукоцкий⁶ был против, – вздохнул Михаил, – он даже Бакулеву⁷ звонил, но их из парткома одернули.

– Корельский постарался?

– Он.

– Да-а-а, дела... – протянул задумчиво военврач, затем встрепенулся, – а потом?

– Сергей Иванович посоветовал мне уехать и поработать в Белоруссии. Даже письмо написал своему другу. Тот помог мне ветеринаром устроиться в колхоз, а про отца советовал молчать, да и я сам понимал. Потом война...

Михаил замолчал и закрыл глаза. И что теперь сделает Павлов? Прогонит? Тоже отвернется? А если Перепелкину скажет, то точно за немецкого шпиона примут, тут и к гадалке не ходи... стоп! Последняя мысль была не его.

«Думаешь, если капитан об этом узнает, то все сведения примут за фальшивку?»

«Не знаю, – ответил гость, – не исключено. Но считаю, что врач даже не думает об этом».

«Не уверен».

«Так спроси».

– Что мне теперь делать, Валерий Семенович?

Врач вздрогнул, словно очнулся, и посмотрел на Михаила.

---

⁶ Спасокукоцкий Сергей Иванович. С 1926 года руководитель факультетской клиники и кафедры факультетской хирургии 2-го Московского медицинского института им. Н. И. Пирогова.

⁷ Александр Николаевич Бакулев (1890–1967) – советский ученый-хирург, академик АН СССР. С 1926 года – на кафедре хирургии 2-го Московского медицинского института.

– Что делать, говоришь? – и лицо его стало жестким. – Людей спасать, Миша, вот что делать. Ты хирург, пусть практики никакой, но...

Договорить не дал появившийся санитар.

– Товарищ военврач, раненых привезли. Много.

– Пошли работать, Миша. – Павлов бросил папиросу, придавил ее ботинком и направился следом за санитаром.

Когда Михаил обошел палатку и увидел количество раненых, то невольно застонал. На поляне уже лежало свыше трех десятков бойцов, и еще телеги подходили. Появилось желание куда-нибудь убежать. Подальше. От стонов. От боли. Крови.

«Не смей! – зло подумал Маевский. – Тряпка!»

«Гость» хотел возразить, но Михаил подавил этот порыв, задвинув альтер-эго вглубь сознания. «Вот так и сиди».

Павлов быстро вышел из палатки и, увидев Михаила, протянул карандаш и лист бумаги.

– Вот, держи, будем очередность распределять. Принцип прост – осматриваешь бойца, определяешь степень тяжести ранений и пишешь номер на клочке бумаги, который закрепляешь на видном месте, там санитары разберутся кого на стол нести. Самых тяжелых в первую очередь⁸. И не волнуйся, Миша, у хирурга должно быть холодное сердце, как ни тяжело это признавать.

– Я все понял, Валерий Семенович.

– Тогда давай ты с этого края, я с этого, а Валентина Сергеевна с Вилмой пока операционную подготовят.

Павлов подошел к крайнему раненому и склонился над ним, а Михаил оглядел поляну. Вот и практика, подумал он. Вздохнул и решительно шагнул к лежащему бойцу.

– Как дела? – спросил Майский.

– Как сажа бела, товарищ военврач, – ответил красноармеец натужно. – Вот, в ногу ранило.

– Больно?

– Терпимо покась. – И боец покосился на скрипящего зубами соседа.

Михаил осмотрел ногу – три сквозных ранения, задета кость в двух местах, отсутствует мышечная ткань с внутренней стороны бедра, сильная опухоль в районе стопы. Оторвав клочок бумаги, Михаил замер. Какой номер ставить? Если этого бойца не прооперировать в течение часа, то начнется гангрена. Ранение у него тяжелое. А как быть с остальными? Рядом лежит боец, у которого вообще на теле живого места нет. Вдруг у него состояние хуже? Как быть? Это пока бойцу терпимо, а потом? Надо принимать решение. Нужен холодный расчет. Не об этом ли говорил Валерий Семенович?

Химическим карандашом Майский решительно поставил цифру три и сунул бумажку под узел повязки.

Соседний раненому не стонал. Он от боли зубами скрипел. Да так, что даже замутило, но Михаил подавил этот порыв. Нельзя показывать слабость, когда на тебя смотрят с надеждой столько людей.

– Терпи, казак, атаманом будешь, – подбодрил Майский парня.

Боец зубов не разомкнул, смог лишь прошипеть что-то неразборчивое. Его правый глаз смотрел на врача. Левый был скрыт повязкой. Осторожно пробежав пальцами по окровавленным бинтам, парень понял – этого бойца надо срочно на стол. В первую очередь однозначно – множественные осколочные ранения головы, туловища, ног и рук. Большая кровопотеря. Ожог

---

⁸ В русской и Красной Армии на практике тяжелораненым помогали и оперировали их в первую очередь, даже самых безнадежных. У немцев в первую очередь только тех, кого можно было гарантированно вернуть в строй.

правой руки, на первый взгляд, второй степени. Боль у бойца, наверно, дикая. Как он еще терпит? Как держится? А обезболивающих нет. Да тут большинство бойцов от шока помирают.

– Санитар! – позвал Маевский, приняв решение.

– Я... – вскинулся один из бойцов.

– Этого на стол несите.

– Нечайка! – Михаил услышал голос Павлова.

– Я, товарищ военврач! – откликнулся один из возниц, помогавших сгружать раненых.

– Что там с лекарствами?

– Должны подвезти, товарищ военврач. Еще помощь обещали.

– Хорошо бы... – буркнул Павлов.

И Маевский был полностью согласен. Без лекарств спасти всех невозможно.

С сортировкой раненых справились быстро. В основном большую часть успел осмотреть Павлов, но у него опыт. Майский же справился только с одиннадцатью бойцами. Всего одиннадцать, но каждого он отправил бы в первую очередь.

– Миша. – Это подошел Павлов. – С тяжелыми будем работать парами. Я с Кошкиной, ты с Меримаа. Не беспокойся, Вилма опытная операционная сестра. Вдвоем вы справитесь, и помни про холодное сердце.

* * *

Не так Михаил представлял свою первую самостоятельную операцию. Не так скоро и не при таких условиях. Было страшно ошибиться, что-то сделать не так, сделать больно, не спасти...

Руки подрагивали от волнения, и Маевский усилием воли подавлял свой страх, загоня его вглубь, заодно пытаясь заставить «гостя» не мешать. А мешало многое – обстановка, знание, что враг уже близко, приближающаяся канонада, стоны и крики оперируемого Павловым.

В отличие от соседа, раненой на их столе не стонал. Лишь когда Михаил направлял пулевку в ранканал и пытался захватить им осколок, парень стискивал зубы и напряженно дышал. Здоровый глаз его слезился, и слезы скатывались по щеке, сразу розовея. Когда осколок наконец вынимался, то сразу следовал облегченный выдох, и звон металла об лоток.

– Деятнадцатый... – удивленно считал осколки Михаил.

И это только из конечностей, а еще из туловища осколки доставать. Как же он терпит?

– Очень больно?

– Больно... – еле слышно прошептал боец и вновь стиснул зубы.

– Терпи.

Парень нервно улыбнулся и напрягся, когда Михаил начал вводить инструмент в следующую рану. Вилма тут же положила руку на лоб парня.

– Расслабьтэсь, – сказала она мягко, – не надо напрягаться. Не волнуйтэсь, все будет хорошо.

Уверенный голос Меримаа подействовал не только на бойца. Михаил неожиданно успокоился. Движения рук стали четче и увереннее. И Вилма помогала прекрасно, без подсказок подавая нужный инструмент. Пока Маевский доставал осколки, медсестра успевала обработать и наложить повязку уже на очищенную рану...

– Ну как первая операция? – спросил Павлов, подойдя к умывальнику.

– Сложно сказать... – пожал плечами Михаил, тщательно промывая перчатки от крови.

– Понимаю, – кивнул хирург, – неожиданно все. Привыкай, теперь каждый медик будет на вес золота. И особо не волнуйся, от ошибок никто не застрахован, тебе просто практики не хватает.

– Я уже допустил ошибку.

– Какую?

– Неправильно определил тяжесть ранений. Думал – сложное ранение брюшной полости, а на деле оказалось, что кишечник не поврежден, несмотря на десятки осколков. И очередность...

– Это не ошибка, – перебил врач, – бывает и хуже. Сколько, говоришь, осколков достал?

– Пятьдесят семь.

– Бойцу повезло, – вздохнул Павлов, – такое случается. Ладно, пошли дальше работать.

Столы уже от крови отмыты, и санитары заносили на носилках двух тяжелораненых.

Началась новая операция, и Михаил понял – с первым ранбольшим ему в некотором смысле повезло – тот лежал спокойно и терпел, этот же не только кричал от боли, еще и метался, несмотря на удерживающие ремни, и Михаил, и Вилма невольно проклинали отсутствие обезболивающих. В конце концов, чтобы вынуть пулю и пару осколков, пришлось звать на помощь санитаров...

Постепенно события слились в сплошной кошмар – стоны, крики, кровь из ран и стеление чужого сознания в голове, что особенно раздражало, но бороться с этим было некогда. Максимальная концентрация внимания и напряженность превратилась в ноющую боль в спине и руках. От пота и крови маска намочла – стало тяжело дышать. От усталости начало покачивать и закружилась голова.

Неожиданно Михаил обнаружил себя бездумно смотрящим на пустой стол, а вокруг суетился персонал, которого было что-то слишком много.

– Отдохни, Миша. – Это мимо прошел Павлов. – Времени немного есть. Отдохни.

– Помощь прислали? – спросил Михаил, удивленно оглядываясь.

– Прислали... – недовольно буркнул хирург, устало усаживаясь на стул около тумбы. – Санитарок прислали в помощь. Комсомолок-доброволок... – Майскому показалось, что врач хотел выругаться, да сдержался. – В обморок всей бригадой падают, бестолковки!

Михаил присел рядом с врачом. В голове немного шумело. «Гость» присмирел, еще когда он ампутировал ногу тому бойцу, что осматривал первым. Ногу спасти было невозможно, отсутствовала часть кости. Бойцу налили стакан спирта и держали два дюжих санитаря. Мат стоял жуткий. Именно в момент, когда Михаил начал резать кость, его «альтер-эго» рухнуло вглубь сознания и пока не проявлялось. И хорошо, мешаться не будет.

– Нечайка! – крикнул Павлов. – Чаю нам покрепче сделай!

После чего сказал Михаилу:

– Ладно хоть, кроме девок бестолковых, перевязочного и обезболивающего прислали.

Помолчав немного, сказал еще тише:

– Проведешь еще операцию и отдохнешь, а то свалишься.

– А вы? А Вилма с Валентиной Сергеевной? Все устали.

– Вилма тоже отдохнет, – ответил Павлов, – Потом поменяемся. Будем по очереди отдыхать.

Появился санитар с двумя стаканами чая. Именно стаканами в подстаканниках. Поставил их на тумбочку, рядом положил плитку шоколада.

– Спасибо, Степаныч. Где фельдшер и медсестра?

– Ранбольшных осматривают.

– Позови их и им тоже чаю неси.

И вновь операция. На столе боец с обширным ожогом и тяжелым ранением груди. Непривычно тихо в операционной палатке, если канонаду не считать. Второй стол пока пустует, Павлов с Кошкиной организуют эвакуацию санбата в тыл. Даже тяжелораненых. В санбат тащат теперь по понятным причинам только срочных.

Капитан Перепелкин пропал, связи ни с кем нет, что вообще творится в дивизии, можно только догадываться. Ясно, что дела хуже некуда. По сведениям, полученным через раненых

и санитаров, что привозят тяжелых, стало известно – оборону не удержать. Слишком мало осталось бойцов в строю и боеприпасов кот наплакал.

Ранбольной на столе в полузабытьи, накачанный обезболивающим, лежит без движения, но все равно, нет-нет, а Нечайка заглянет в палату, не нужна, мол, помощь? Вот только взгляд иногда странноватый у санитаря. Непонятный взгляд. И неприятный.

«Чего тут непонятного? Надзирает он за тобой».

Михаил поморщился. Все где-то в глубине этот альтер-эго сидел тихой мышкой, а тут вдруг объявился, и крови с видом вскрытой груди ранбольного не боится уже.

«Привык уже, – пояснил гость, – хватит, отбоялся».

«Думаешь, надзирает?»

«Уверен! Считаю, Перепелкин поручил ему присматривать».

«Плевать, не мешай».

Мысль была резкая и злая, потому что предстояло самое сложное – удаление пули и осколка. И сложность была в том, что оба куска металла находились рядом с сердцем. Однако, что самое сложное – был поврежден осколком эпикард⁹, и рядом, буквально вплотную, острый осколок подпирала пуля. Видать, и пуля, и осколок попали в одно и то же место, и, судя по положению обоих инородных предметов, вторым прилетел осколок. Уже приготовлена пулевка, но Михаил никак не мог решить, что вынимать первым – пулю, которая была чуть ниже рваного куска металла, или осколок, что почти упирался в мышечную ткань сердца. Рана медленно наполнялась кровью, и Вилма уже пару раз удаляла ее тапмонами, а Майский никак не решался.

«Осколок, – зло подумал гость, – доставай осколок. Он острый».

«Заткнись!» – так же резко ответил Майский.

Он ввел пулевку в рану, аккуратно захватил щечками металл, чуть сдвинул от сердца и осторожно потянул. Брызнуло тонкой струйкой кровь прямо в лицо, Михаил невольно зажмурился, замерев и почувствовав, что ранбольной вздрогнул. Майский похолодел – только не это!

– Пульс падает, – сказала Вилма, одной рукой держа ранбольного за запястье, а второй удаляя кровь из ран-канала.

Михаил сбросил осколок в лоток и быстро извлек пулю.

---

⁹ Эпикард – наружная оболочка сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.